

Стенограмма Круглого стола: «Источники конфликтов на постсоветском пространстве»

**Стенограмма Круглого стола: «Источники конфликтов на
постсоветском пространстве»**

20.12.2011

16 декабря в Институте общественной политики прошел Круглый стол на тему: «Источники конфликтов на постсоветском пространстве».

Модератор: Мээрим Шамудинова, Институт общественной политики

Спикеры:

Армен Арутюнян, региональный представитель для ЦА Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ)

Сергей Масаулов, директор Центра перспективных исследований

Анар Мусабаева, политический аналитик

Участники:

Раннат Айталиева, аспирантка КРСУ

Азат Алымкулов, студент КНУ

Наталья Афанасенко, представитель ОФ «Лига защитников прав ребенка»

Уларбек Бакырдинов, член ПП «Алаш-Ордо»

Кубаныч Борбиев, представитель молодежного крыла ПП «Республика»

Азима Бокошова, студентка КНУ

Салтанат Даутова, студентка университета «Ататюрк-Алатоо»

Талант Джумабеков, член ОО «Молодые юристы Кыргызстана»

Бегаим Есенкулова, преподаватель Департамента менеджмента и бизнес-права АУЦА

Азис Иса, представитель CAFMI

Урмат Каныбеков, студент КГЮА

Александр Кулинский, медиаэксперт

Ирина Летова, национальный юридический эксперт по миростроительству Проекта ЕС и ПРООН по поддержке правовой реформы в КР

Гульмира Маматкеримова, менеджер проекта ЕС и ПРООН по поддержке правовой реформы в КР

Динара Мурзаева, научный сотрудник Национального Института стратегических исследований КР

Эдиль Осмонбетов, независимый эксперт

Сайфуна Рысалиева, национальный юридический эксперт по миростроительству Проекта ЕС и ПРООН по поддержке правовой реформы в КР

Улан Рыскелдиев, председатель Наблюдательного Совета Фонда «Сорос-Кыргызстан»

Альбина Садабаева, студентка КРСУ

Марлен Соляной, председатель молодежной организации «Student's Corporation»

Гульбарчын Тилембаева, член ОО «Достояние Республики»

Айза Тиленбаева, студентка АУЦА

Элира Турдубаева, младший научный сотрудник КТУ «Манас»

Талайбек Усубалиев, заместитель регионального менеджера WOMSA

Эльмира Хасанова, студентка Новосибирского университета

Надия Юсупова, эксперт отдела этнической, религиозной политики и взаимосвязи с гражданским обществом Аппарата Президента Кыргызской Республики.

СМИ:

Каныкей Бакашова, «Биринчи радио»

Илларион Звягинцев, «Polit.kg»

Айнура Исмаилова, 5 канал

Жаныл Купешева, ИА «Кабар»

Наталья Ли, «Чалкан ТВ»

Марина Мирошник, Интернет-редакция газеты «Вечерний Бишкек»

Толкун Наматбаева, Агентство «Франс-пресс»

Ирина Павлова, ИА «24.kg»

Шекер Сатыбалдиева, «ЭлТР»

Александр Симонов, 5 канал

Марина Сколышева, ИА «Knews»

Карина Христова, 5 канал

Мадина Шералиева, ИА «КирТАГ»

Юлия Яценко, «ЭлТР»

Мээрим Шамудинова обозначила тему Круглого стола и представила спикеров.

Армен Арутюнян: В принципе, такая незавершенность конституционализма и конституционной системы является источником конфликта в любом обществе, но если к тому же речь идет об обществе, в котором не сложились определенные политико-правовые традиции, которые являются органической частью системы сдержек и противовесов, то эти конфликты и возможные проблемы тем самым обостряются.

Но, в первую очередь, нужно выяснить, что мы понимаем под конституционализмом, потому что для постсоветских стран и вообще для многих стран переходного периода очень типична ситуация, когда есть Конституция, и нет конституционализма. Потому что под конституционализмом мы понимаем систему, которая устанавливает правовые рамки взаимоотношения общества и личности с властью, и этот конституционализм может быть мнимым или действенным.

Другая наша характеристика конституционализма – это ограничение власти, когда исключается политическое

соперничество, в котором победителю принадлежит все, то есть в политическом соперничестве такого не должно быть, это приводит к тому, что политическое соперничество переходит на совершенно другой уровень соперничества, и иногда выборы становятся чем-то совершенно другим, не тем, что задумывалось конституционалистами. И в этом смысле конституционализму угрожает любое политическое устройство, побуждающее победителя прийти с препятствиями к рубежу, где идет речь о раздаче должностей по политическим признакам или финансирование партий. Тут победитель основательно может пополнить свою партийную кассу посредством законных механизмов, поддерживающих его. В этом плане разделение власти по принципам Конституции ограничивает демократию, оказывающую поддержку превосходящим по численности победителям, тем самым защита интересов меньшинства – это именно та философия, которая есть в основе конституционализма, потому что история показывает, что очень часто и меньшинство бывает правым, и речь идет не о том, чтобы утвердить правила большинства, а утвердить правила дискуссионного общества.

В этом плане я для того, чтобы не оперировать чисто теоретическими формулировками, решил привести пример из Конституции двух постсоветских государств: Армении и Кыргызстана и показать на примере именно двух конституционных текстов, как они в сочетании с политической реальностью иногда могут стать основой для определенных конфликтов. Вообще, основа основ и Конституции, и конституционализма – это, конечно, система сдержек и противовесов. Если система сдержек и противовесов разработана и недоработана, то говорить о правах человека, местном самоуправлении, парламентаризме, реальности конституционного регулирования уже не приходится.

Дело в том, что система сдержек и противовесов, написанные в тексте Конституции механизмы являются лишь частью этого,

потому что всегда, в любой стране, когда мы разрабатываем систему сдержек и противовесов, делаем это с оглядкой на существующую политическую правовую культуру, политические правовые традиции и так далее. В странах, где эти традиции сложились, очень часто нет необходимости в писаных текстах предусматривать какие-то механизмы, они уже регулируются определенными традициями. В странах, где этих традиций нет, как правило, конституции бывают более развернутыми, есть необходимость больше и более детально прописывать механизмы.

В Конституции Армении 1995 года, например, принцип формирования правительства был основан на том же принципе, который существовал во Франции, когда президент формирует правительство и в то же время имеет ограничение на право роспуска парламента. Поскольку это была Конституция смешанного управления, подразумевалось, что когда он назначает премьер-министра и правительство, должен исходить из позиции большинства, но такого механизма нет в Конституции Франции, там это регулируют уже сложившиеся политические традиции.

В условиях Армении это приводило к тому, что президент просто всегда исходил из своих интересов, никогда не учитывал интересы большинства, и если нужно было, он через неограниченное право на роспуск парламента влиял также и на парламент. Получалось, что по конституционному писаному тексту это была полупрезидентская республика, по реальной живой конституции это была супер-президентская республика, поэтому система сдержек и противовесов зиждется на следующей формуле – принципы, механизмы, через которые разрабатываются принципы и последствия, которых мы хотим достичь.

Проблема постсоветского конституционализма заключается в том, что мы также списываем механизмы, но механизмы, скажем в

практической системе не могут работать и приводить к тем же последствиям в армянском обществе, поэтому эти конституции могут быть похожи принципами и последствиями, но чтобы те же самые принципы в совершенно различных обществах привели бы к совершенно другим последствиям, нужны свои механизмы. Вот где нужно учитывать свои особенности. Иногда, когда мы говорим о своих особенностях, мы это распространяем на принципы, но принципы и последствия универсальны для всех стран и всех народов, а в особенности должны проявляться в механизмах.

В 2005 году, когда мы начали реформу Конституции, я возглавлял эту комиссию, мы подходили к этому вопросу именно с точки зрения реформ и пересмотрели многие механизмы. В данном случае для формирования правительства мы предусмотрели специальный текст, что президент назначает премьер-министром лицо, которое представляет абсолютное большинство парламента, если нет абсолютного большинства, то относительное. Тем самым мы основное окончательное решение вопроса оставили за парламентом, как и должно быть, потому что смысл полупрезидентской республики заключается в следующем: если парламентское большинство и президент совпадают, то механизм государственного аппарата действует по логике президентской республики, если же они не совпадают, то логика государственного аппарата действует по парламентской системе, и в зависимости от этого существует такая сменяемость, которую мы называем смешанной формой правления, потому что они чередуются. Если вы вспомните времена Эдуарда Балладюра (премьер-министр с 1993-1995 гг.) во Франции, то там президент был лишь главой государства, но действовал в традициях парламентарной республики, основной фигурой стал премьер-министр, потому что политическое большинство парламента не совпадало с политической партией президента. То есть в случае с Арменией стоял именно такой вопрос.

Я вчера смотрел конституции некоторых центральноазиатских стран, решил из Конституции Кыргызстана остановиться на двух очень важных вопросах, которые, я думаю, с точки зрения системы сдержек и противовесов тоже в какой-то степени не доведены до логического завершения и могут быть источниками конфликтов. Речь идет, в первую очередь, о статье 64, пункт 3 и статье 74, часть 4, пункт 2, то есть речь идет о Совете по отбору судей. Понимаете, формирование судебной системы, если грубо это сгруппировать, делится на две модели. В некоторых странах никогда, как правило, это формирование не оставляют одному из политических институтов, всегда тут участвует два политических института, чтобы они балансировали друг друга, и, как правило, это институты с первичным мандатом, президент или парламент. Или президент представляет, парламент утверждает, или парламент представляет, президент утверждает.

Есть еще другая формула, когда создается специализированный орган, который и представляет кандидатов парламенту или президенту, но тут уже утверждение этих кандидатов президентом и парламентом носит технический характер, они могут не подписать, не согласиться с мнением совета, если какие-то процедурные вопросы были нарушены, а если процедурных ошибок и нарушений не было, обязаны с этим согласиться, на то и создается такой орган. Но в таком случае композиция, состав формирования такого органа предусматриваются Конституцией, потому что нельзя формирование такого органа оставлять за каким-нибудь политическим институтом, потому что мы оставляем его на политическую конъюнктуру.

В данном случае получается, что по Конституции Кыргызстана предусматривается вторая модель, а именно создание Совета по отбору судей. Мы просто знаем, что такой орган есть, но все вопросы оставлены законам, то есть политической конъюнктуре.

Если мы рассматриваем с этой точки зрения так же Конституцию Казахстана, статья 82, пункты 1 и 4, 5, то тут логика системы сдержек и противовесов более завершенная. Можно с системой согласиться или нет, но там тоже президент представляет, парламент утверждает, и там тоже есть такой орган Совет правосудия, который представляет кандидатов президенту, а президент представляет парламенту. Но в Конституции Казахстана написано, что формирует этот орган сам президент, закону оставляется организация и структура работы этого органа, то есть логика выдержана, потому что президент несет за это ответственность. Он при себе создает этот орган, просто чтобы более профессионально их представлять, он несет ответственность за этот орган, который представляет ему кандидатов, и он несет ответственность за лица, которые он представляет парламенту. А в случае с кыргызской Конституцией непонятно, кто несет ответственность. Ответственность несет Совет по отбору судей, но его формирование не оставили за Конституцией, то есть оставили вне системы сдержек и противовесов. Однозначно, такая незавершенность чревата конфликтными ситуациями, с чем сегодня и сталкивается страна.

Другой вопрос – формирование правительства. Как формируется правительство в смешанных республиках, а кыргызскую Конституцию я считаю Конституцией смешанной республики. Очень часто говорят, что по Конституции она парламентарная, но она не парламентарная, это парламентско-президентская республика. Терминологию тоже нужно четко определять. При этих формах правления президент формирует правительство исходя из мнения парламентского большинства, и если оно абсолютное, то абсолютное большинство по закону, по конституционному праву изначально формирует правительство, с которым президент согласен, если нет абсолютного большинства, то президент опирается на относительное большинство. Если и в этом случае не получается, то тогда уже нужны другие механизмы. То есть первичен не подход президента, а первичен подход воли

избирателей, которая проявилась в парламентском большинстве: или абсолютном, или относительном.

Тут эта логика несколько смещена. То, что по статье 84 формируется абсолютным большинством, эта логика выдержана, но потом, когда я читаю, в пункте втором отмечается, что президент формирование правительства оставляет одной из фракций, и если это не получается, то только после этого в пункте три отмечается, что это право предоставляется относительному большинству. Непонятно. Если абсолютное большинство не сумело договориться насчет правительства, то в этом случае президент может предложить формирование правительства самой малочисленной фракции. Если не получится, только после этого к относительному большинству апеллирует. Тут тоже однозначен конфликт, потому что приоритет конституционализма – это мнение избирателя, которое проявилось в парламенте. В данном случае мнение главы государства доминирует над мнением избирателей через парламент, и, однозначно, это тоже чревато конфликтами.

Другая проблема с точки зрения незавершенности конституционализма – это неправильное понимание и интерпретация философии различных институтов. Очень часто, говоря о парламентаризме, думают, что парламент в условиях парламентаризма выполняет какие-то особые функции, которые парламент не выполняет в других формах правления. Это абсолютно не так. Парламентаризм – это абсолютно не значит диктатура парламента. Система сдержек и противовесов предполагает балансирование всех институтов, и если мы уходим от сверхпрезидентского института, это не значит, что нужно создавать сверхпарламентский институт, который опаснее, потому что хотя бы при сверхпрезидентском институте и ответственность персонализирована, а при парламенте – это коллективная ответственность.

Парламент – это высший представительный орган государства, выполняющий законодательную функцию в любых формах правления. Президентской республикой являются США, президент является главой исполнительной власти, в первую очередь, там с точки зрения равенства властей логика выдержана даже больше в пользу парламента. Несмотря на то, что президент ответствен за правительство, но все должностные лица назначаются с одобрения двух третей сената. Но это президентская республика, а не парламентарная. Поэтому и написано в Конституции, что парламент – это высший представительный орган, выполняющий законодательную и контрольную функции. Не имеет смысла писать такие вещи, потому что парламентские функции обусловлены... Есть сугубо функции этого института и есть функции, через которые этот институт выполняет свою балансирующую роль.

Поскольку парламент объединяет в себе две характеристики, два сущностных момента – это представительный и законодательный орган, то контрольные функции обусловлены тем, что это представительный орган, это единственный орган, который олицетворяет ситуацию в обществе. Вообще, парламент является законодательным органом только потому, что это представительный орган, поэтому парламенту доверено принимать юридические акты, имеющие высшую юридическую силу после Конституции, поэтому только в случае с парламентом пишется, что его полномочия и функции определяются Конституцией, не законами, потому что он сам принимает законы, чтоб он не переиграл систему сдержек и противовесов.

К чему привело то, что парламентский контроль – это что-то особенное, то, что в Конституции написали, что Омбудсмен республики выполняет всего лишь парламентский контроль за правами человека, то есть абсолютно исказили не только само понятие парламентского контроля, но еще и другой институт – это институт Омбудсмана – это совершенно самостоятельный

орган, который не может быть под какой-нибудь ветвью власти. Смысл института Омбудсмана в том, что он действует вне власти, вне системы сдержек и противовесов и действует как рекомендательный орган, лишний раз показывая, какова ситуация с правами человека, чтобы через свою законодательную политику это учитывал парламент, может с чем-то согласиться, может и не согласиться. Тут мы тоже наблюдаем потенциальный конфликт между институтами.

Более того, с точки зрения международных комиссий тоже уже противоречия, только из-за этого институт Омбудсмана Кыргызстана не может зарегистрироваться и получить статус в международном координационном центре, где регистрируются Омбудсмены всех стран – членов ООН.

И другой очень важный момент, институциональная система – Конституционный суд или Конституционный совет, в чем смысл этого органа? Всегда появляются органы, потому что появляется необходимость выполнить какую-то задачу. Это же не самоцель – создать орган и предусмотреть бюджет для этого органа. Конституционные суды в основном были популярны после второй мировой войны. Смысл их заключается в том, что одной из основных их задач является давать официальную интерпретацию тех или иных положений в Конституции, потому что в Конституции формулировки и положения очень общие, это же не инструкция, иногда ее интерпретация бывает разной и противоположной с точки зрения различных органов. Парламент по-своему интерпретирует положения, президент по-своему, не будут же они воевать друг с другом, для этого предусматривается орган, который учрежден для того, чтобы официально интерпретировать, как нужно это понимать, через свои решения.

У вас нет этой функции, и если завтра произойдет такая

ситуация, когда политические силы будут разными, то здесь опять заложен потенциальный конфликт, и если кому-то не нравится решение Конституционного суда, все равно нужно с этим считаться, потому что традиции и процедуры – это основы демократической системы. Это все играет не последнюю роль и питает ситуацию с правовым нигилизмом, и получается, что написанный текст Конституции не совпадает с реальной жизнью, говоря юридическим языком, писаная Конституция не совпадает с живой Конституцией. Чем больше они не совпадают, тем больше здесь источников для конфликта. Потому что этот вопрос не надо оставлять партийным или политическим силам, или просто гражданам, вопрос должен быть урегулирован законодательно на уровне Конституции, потом это должно быть детализировано законами и подзаконными актами. Но если это не доработано Конституцией, то начинаются разночтения, потому что кроме Конституции остальные нормы в той или иной степени все-таки опираются на политическую конъюнктуру данного момента, и поэтому незавершенность Конституции приводит к недействию конституционализма как режима, который во взаимоотношениях общества, в крайнем случае, становится источником конфликта. Спасибо.

Анар Мусабаева: Добрый день, участники Круглого стола. Очень хорошо, что у нас сегодня три доклада, они касаются разных аспектов конфликтов. Я решила остановиться на источниках конфликтов в социально-политической сфере в странах бывшего СССР, поэтому буду рассматривать конфликты с точки зрения политической социологии.

В социологии наиболее устоявшимся является подход, рассматривающий **конфликт как столкновение интересов взаимодействующих групп**. Группы людей, составляющие структуру общества, имеют не только общие интересы (потребности), но и свои специфические интересы, реализация которых может вызывать противодействие, несогласие, возражение и контрдействие

других групп, преследующих свои цели.

Симптомами социальных конфликтов, на основе которых можно зафиксировать их возникновение и развитие, являются:

- проявление недовольства той или иной группы, взаимодействующей с другими группами;
- возникновение социальной напряженности, социального беспокойства;
- поляризация и мобилизация противодействующих сил и организаций, готовность действовать определенным образом (в том числе и радикальным).

Источники конфликтов в социальном и политическом пространстве

Страны постсоветского пространства имеют значительный конфликтный потенциал. Источников конфликтов тоже много.

Распад СССР привел к возникновению политически, социально, этнически и культурно неоднородного пространства, состоящего из политически независимых государств. Сам факт распада страны явился результатом накопленных за многие годы массы различных противоречий и нерешенных конфликтов различной природы.

Все без исключения государства бывшего СССР, несмотря на

значительные различия в их развитии, представляют собой «зону конфликтов». В результате накопленных социальных противоречий в течение многих лет конфликты развернулись на разных уровнях социальной организации – на цивилизационном уровне, социальном уровне, институциональном, личностном. То есть от макро- до микроуровня.

Во всех странах СНГ присутствуют противоречия:

- между властью и народом,
- между центральным правительством и местным самоуправлением,
- между интересами отдельных олигархических групп и интересами общества,
- между ветвями власти,
- между этническими группами.

Эти группы противоречий являются источниками социально-политических конфликтов на макроуровне, которые могут принимать открытые и завуалированные формы.

В свою очередь, такой высокий конфликтный потенциал создает основу для других конфликтов. Так, распространение

религиозного, политического экстремизма, терроризма, наркопреступлений, нарушений прав человека угрожает системам жизнеобеспечения этих государств и народов. Создаются возможности «индуцированных» конфликтов – то есть угрозы распространения существующих конфликтов на сопредельные государства, причем закрытие границ не решает проблемы индигирования конфликтов.

Ниже я хочу остановиться более подробно на источниках социально-политических конфликтов, которые, на мой взгляд, требуют самого пристального внимания ввиду их масштабности и потенциала воздействия на общество.

1) Изменения в социальной структуре общества постсоветского этапа /усложнение социальной стратификации

Хотя официальная политика во времена СССР была направлена на достижение социальной однородности общества, на деле общество не было однородным. Существовала реальная дифференциация доходов, разница в статусах различных групп. Но все это оставалось за пределами научного анализа, равно как и системы распределения благ, лежащие в основе регулирования социального положения.

В перестроечную эпоху социальное расслоение стало прогрессировать, росло социальное недовольство отдельных групп (забастовки врачей, учителей, шахтеров и др.). После распада СССР социальные структуры постсоветских обществ усложнились, появились новые социальные группы, при этом сохранились «старые» группы. До настоящего времени можно характеризовать все постсоветские общества как дезинтегрированные общества,

произошла декомпозиция, то есть прежняя структура была полностью изменена, нарушена. У некоторых групп не произошло самоопределение и по настоящий момент, не произошло осознания ими своих групповых интересов.

Возникла ситуация необходимости выстраивания новых отношений, адаптации различных групп друг к другу, к новым условиям. Изменилось не только взаимоотношение групп (например, кто занимал мало места, тот стал занимать больше, или наоборот), но изменился сам каркас общества, основы общественно-политического устройства. Проявилось это в том, что изменились критерии социальных различий в связи с тем, что изменились ценностные параметры общественной жизни, духовной культуры, способы организации экономической, политической и социальной деятельности людей.

К новым массовым группам, возникшим на постсоветском пространстве, в том числе и в Кыргызстане, можно отнести слой новых предпринимателей, причем этот слой тоже неоднороден, он состоит из различных категорий, в том числе из уже существовавшего в советское время сектора теневой экономики, представителей номенклатурной приватизации, слоя частных фермеров, появившихся в результате ликвидации колхозов и совхозов. Появились и другие группы (финансовый бизнес, промышленность). Появление предпринимательского слоя явилось отражением перехода к рыночным отношениям, либерализации экономики.

Примерами других новых массовых групп, к примеру, в нашей стране можно назвать внутренних мигрантов и внешних трудовых мигрантов; слой специалистов в разных сферах, перешедших после независимости в сектор НПО, финансируемый зарубежными фондами, сотрудников многочисленных международных проектов.

Криминализация общества, особенно за последние годы, позволяет говорить о формировании криминальных групп и так далее.

При появлении новых групп продолжали сохраняться «старые» группы: пенсионеры, бюджетники, военнослужащие и так далее.

Социальное расслоение во всех постсоветских странах привело к расколу общества, поскольку дифференциация социальных групп произошла во многом нелегитимными способами на фоне дисфункции политических институтов и институтов распределения. Поэтому социальные интересы разных групп отчетливо приобрели антагонистический характер. Причем интересы нельзя сводить только к экономическим отношениям, они пронизывают все сферы жизнедеятельности, в том числе духовную сферу. В духовной жизни новые социальные отношения нашли отражение в новых стереотипах культуры, нормативных образах «достойной» жизни и так далее.

Раскол внутри постсоветских обществ носит сложный характер. Он характеризуется распадом социальной всеобщности и государственности, противоречиями между властью и основной массой граждан.

Раскол обществ на пространстве бывшего СССР характеризуется противоречивым развитием гражданского общества.

Гражданское общество во всех постсоветских государствах представляет собой несформировавшееся, противоречивое социальное поле, внутри которого есть столкновения, конфронтации и конфликты.

В разных странах бывшего СССР уровень развития гражданского общества отличается. Но существует ряд общих черт, которые характеризуют конфликтность гражданского общества:

- неразвитость среднего класса как системообразующего звена гражданского общества;
- низкий уровень политической и гражданской культуры населения в целом;
- слабая степень интеграции и гражданской солидарности;
- участие субъектов гражданского общества во внутриэлитных конфликтах в качестве участников, посредников и катализаторов конфликтов;
- слабое взаимодействие гражданского общества и СМИ;
- неразвитость «гражданской» составляющей СМИ;
- недостаток легитимных механизмов взаимодействия граждан с государственными органами и примеров продуктивного и конструктивного сотрудничества граждан с государством.

2) Отношения по поводу власти

Власть существует везде, то есть в любом обществе, где есть совместная деятельность людей. **Власть представляет собой институционально оформленную возможность определять и контролировать массовые формы социального поведения других людей.**

Центральное место среди властных институтов занимает государство, которое имеет право и обязанность говорить от имени народа или всего организуемого им сообщества. Более того, по Веберу, сущность государства состоит в том, что это единственная инстанция, которое имеет право на применение насилия по отношению к своим гражданам и в пределах своей территории.

Власть — неоднозначный феномен. Люди страдают как от чрезмерного давления власти, так и от ее недостатка (или безвластия). Поэтому ни идеи тоталитарных обществ, ни утопические модели «общества без государства» не поддерживаются современными социологическими теориями как лучшие формы организации и осуществления властных отношений.

Отношения в обществе складываются таким образом, что власть, причастность к власти или обладание властью открывают большой диапазон возможностей для тех, кто вовлечен в политическое пространство. Это не только доступ к материальным ресурсам, но и к символическим ресурсам — возможности навязывать свою определенную интерпретацию жизни и мира. В этом смысле власть творит новые отношения, конструирует социальный мир, модифицирует социальное пространство. Поэтому наряду с утверждениями: «Народ имеет правителей, которых заслуживает» справедливым является и другое утверждение: «Власть конструирует общество по своему подобию». Если применять это к ситуации в Кыргызстане, становится очевидным, что патологии

власти порождают патологии общественного сознания.

В попытках конструирования социального пространства согласно своему видению политические группы применяют разные инструменты. Спектр таких инструментов включает в себя озвучивание своей позиции и интерпретации «социального мира», номинацию своего видения, то есть публичное навязывание его (через СМИ), создание конфликтных ситуаций, политическая борьба с помощью разных инструментов.

В социологическом плане нужно различать два уровня развертывания политического конфликта.

Во-первых, это конфликт в масштабе всего политического пространства, который в нашей реальности выступает как конфликт по поводу легитимности власти, признания/непризнания, частичного признания/частичного непризнания, неприятие властных структур широкими слоями общества или сопротивление им.

Во-вторых, это конфликтные отношения внутри самих властных структур по поводу объема полномочий. Пример конституционализма, по-моему, попадает в этот уровень.

Выбор методов и средств политической борьбы имеет большое значение с точки зрения результатов конфликта (деструктивное воздействие или позитивное). Особое значение имеет проблема насилия и ненасилия.

Планирование насилия почти никогда открыто не декларируется

конфликтующими сторонами, насилие совершается «как бы спонтанно», в результате «инициативы с мест». Однако победа с помощью оружия над политическими противниками наносит ущерб не только побежденным, но и победителям, поскольку ведет к трагическому ходу событий, напрасным жертвам, усиливает враждебность и отчужденность.

Конфликт, даже оказывающий позитивное воздействие на общество в долгосрочном плане, все равно поднимает вопрос о цене осуществляемых под его воздействием изменений. Если для осуществления целей приносятся в жертву человеческие жизни, возникает сомнение по поводу его нравственности и действительной прогрессивности.

Значительная часть понятий, употребляемых в политической борьбе, такие как, например, народ, нация, государство, интересы народа, демократия, реформа и др., имеют четкое символическое содержание. Политики пользуются «символами», чтобы конструировать свои аргументы в пользу той или иной позиции, а также в качестве пограничных знаков, отделяющих «своих» от «чужих», или понятия «мы» и «они», то есть для конфронтационного поведения.

Постсоветские общества являются расколотыми. Однако в расколоте общества деятельность властных структур, имеющая целью ближайший политический эффект на «победу над противником» здесь и сейчас или, наоборот, уклонение от использования властных прав, может иметь губительные последствия для самой власти. Сама власть становится источником социальной напряженности, а не регулятором конфликтов. Напряженность тем сильнее, чем менее признаны легитимные основания властных функций и полномочий в массовом сознании.

Главное отличие тех конфликтов, которые характерны для Кыргызстана и для других стран постсоветского пространства, от аналогичных конфликтов во властных структурах европейских государств и развитых стран в других частях света в том, что там большая часть конфликтов идет на основе устоявшихся правил, закрепленных в законах и признаваемых в общественном сознании. У нас еще такие правила не сложились, борьба идет не по правилам, что усугубляет остроту конфликтных ситуаций и повышает непредсказуемость исходов.

Помимо этого, общим признаком политической культуры стран постсоветского пространства является низкая ценность человеческой жизни и достоинства личности и гражданина. Как ни парадоксально, это относится и к политическим деятелям, которых, как бы априори, считают корыстными созданиями. Все это создает опасность перерождения любых конфликтов по поводу расширения сферы влияния и власти определенных политических групп в конфликты насильственного порядка. Создаются длительные тупиковые ситуации, которые пагубно отражаются на разрушении всей социальной системы и экономики.

Одной из важных составляющих конструирования общественных отношений является **интерпретация интересов народа**, связанная с притязаниями на их знание и легитимное представительство во властных структурах. Кого считать народом? Какого типа участие в управлении государством для него подходит, какие условия ведут к его участию? Ответы в разные времена и для разных обществ были разными.

Часто политики оперируют тем, что они выступают от имени народа, в защиту народных интересов. На самом деле это отдельная тема, которая требует обсуждения, потому что с точки зрения современных социологических теорий понятие народа

представляет собой своего рода идеологическое клише, то есть инструмент для политической борьбы, выработанное историческим опытом человечества мощное средство завоевания политического пространства. Подобными понятиями, конструирующими социальное пространство, являются также понятия «государственные интересы», «интересы нации», «обращение к народным истокам», «интеграция в мировое пространство» и проч.

Одной из существующих в постсоветских обществах интерпретаций «интересов народа» политиками разных мастей, обладающих большой конфликтогенностью, является **национальный популизм**. Для Кыргызстана эта тема весьма актуальна. Но это опять же отдельная тема, которая тоже заслуживает внимания с точки зрения источников конфликтов в политическом пространстве в странах бывшего СССР.

Для национального популизма характерны «подталкивание» людей к национализму, поиску ответов на возникшие проблемы за счет других этнических групп, раздача заведомо невыполнимых обещаний благополучия на этой основе, игра на национальных чувствах.

Национальные популисты на словах заботятся о «национальном возрождении», «восстановлении исторической справедливости», «национальной культуре», языке и т.д. Но все это часто ограничивается только призывами.

Причинами распространения национального популизма является слабость гражданских институтов в виде реального местного самоуправления, действующих политических и общественных организаций, через которые создается возможность отстаивания

интересов определенной этнической группы.

Конечно, этническое возрождение само по себе не обязательно приводит к межэтническим конфликтам. Но часто грань между этническим патриотизмом и национализмом бывает очень тонка и размыта, и стоит сместить акценты, может возникнуть благоприятная среда для конфликтов.

Причинами конфликтов на этнической почве могут быть социологические причины, например, этническая стратификация – то есть неравномерное распределение этнических групп по разным ярусам социальных иерархических групп, сегрегация сфер труда по этническим признакам и т.д. Причины могут носить и политический характер – мобилизация элитами этнического фактора для достижения своих политических целей.

Политический популизм имеет разные оттенки. Кроме национального популизма существуют другие формы – левый популизм, правый популизм, радикальный популизм, патриотический популизм. Все формы популизма опасны для общества с точки зрения конфликтности. Спасибо за внимание

Сергей Масаулов: Я хотел бы сразу выразить благодарность Институту общественной политики за приглашение выступить здесь, но и не только за это. Я несколько раз здесь выступал на разных встречах, мне интересно, что Институт общественной политики постоянно меняет стиль обсуждения, до сих пор мы обсуждали разные предметы. В данном случае у нас перед тремя спикерами лежит уже не предмет, а некая, говоря методологическим языком, процессуальность, потому что конфликт – это некоторый процесс, в нем, строго говоря, десять этапов,

и поэтому к какому этапу присоединишься, так и будешь видеть происходящее. Но зато это дает спикерам возможность свободного выбора предмета, который виден в этом процессе.

Я хотел бы предложить вашему вниманию мое выступление, по жанру затравочное, провокационное, потому что я попытаюсь спровоцировать некоторую систему вопросов и ответить на них.

Дело в том, что я сейчас буду говорить точно так же, как предыдущие спикеры. Мы говорим о некой незавершенности, о соотношении традиций и инноваций. Действительно, мы говорим: «постсоветское пространство», то есть то, что уходит от советского, и, соответственно, есть некоторая незавершенность. Однако через 20 лет после начала процесса по многим постсоветским странам можно зафиксировать, я бы назвал так: «окончание периода горячечных фантазий» в головах элит или псевдоэлит наших стран и «возвращение разума», то есть фактически они начинают быть элитами, думать о национальных целях и так далее.

Я бы хотел привести пример. 10 декабря этого года в России родилось общество. До сих пор это было непонятно что, а теперь общество родилось. Люди, которые вышли на митинг, заметьте, очень характерно, они не были на позиции, как мы в Кыргызстане их называем, «кетсинистами».

Я помню 1991 год в Москве, когда я видел 100 тысяч человек, которые шли и скандировали: «Ельцин, Ельцин!», это были типичные «кетсинисты», потому что они говорили: «Долой (кетсин) Горбачева! Да здравствует Ельцин!» Это похоже на то, что у нас кричат и думают, что смена того или иного персонажа

решает всю проблему. Так вот, 10 декабря там речь шла о другом, не долой, а речь шла о том, что хватит несправедливости. У нас есть некая концепция, как должно быть справедливо устроено, и эти люди говорили о двух дефицитах: о дефиците справедливости в стране и о дефиците государственности. Это два очень существенных источника конфликта на постсоветском пространстве. И это характерно практически для всех наших постсоветских стран.

Я прибегну к школе, где наши учителя учили нас сначала определять понятия, хотя бы задать рамки, поэтому постараюсь задать некоторые рамки понимания, о чем буду говорить, и, соответственно, ввести некоторые концепты.

Дело в том, что, когда мы говорим о конфликте, то обычно распространены два подхода. Первый подход – конфликт трактуют как столкновение сторон, мнений, сил и так далее. Это очень широкое толкование, оно практически адекватно по объему понятию противостояния, противоречия. И в этом плане очень трудно различить их. А вот другой подход заключается в понимании конфликта как столкновения противоположно направленных целей, интересов, взглядов, принципов и, в том числе, взглядов на ценности. В этом плане возникают оппоненты, столкновения их интересов и, соответственно, весь объем того, что называется конфликтным взаимодействием. Я попытался бы предложить второй подход, потому что это столкновение с точки зрения отношения к ценностям. И в этом плане конфликт – это, прежде всего, мне представляется как борьба за ценности, это претензии на определенный статус власти и ресурсы, и это борьба, в которой целями противников являются нейтрализация либо нанесение ущерба, либо уничтожение соперника.

Ничего особого в этом определении нет, это всегда было, всегда

будет процессуально. Важно, как к этому относится элита и, шире, национальная интеллигенция, способна ли она увидеть последствия тех или иных действий и блокировать нежелательные для национальной государственности тенденции. Весь вопрос в этом. Отсюда формальные признаки конфликта — это напряженность, применение насилия и угроз, но, прежде всего, мы прямо скажем, что это определенная манера поведения и точно выверенный или определенный объект претензий. Если отнестись к конфликтам с этой точки зрения, то мы можем заявить следующее. Ключевые моменты — это борьба силового динамического взаимодействия, то есть под конфликтом мы будем понимать ту форму, где это взаимодействие началось уже в прямом столкновении оппонентов, и очень важная для меня вторая сторона — это претензии на что-то, несовпадение интересов. Именно здесь источник конфликтов, о которых я буду говорить, как конфликтов, вырастающих из претензий на изменение своего положения.

Понятно, что вместе с нехваткой ресурсов, в которую попали все наши страны, одним из источников конфликтов является вот эта претензия на изменение своего положения.

Дело в том, что еще в конце советского периода ряд стран, это, прежде всего, прибалтийские страны и Грузия, ставили вопросы о своем национальном развитии, которому мешает вынужденная необходимость «кормить» отставшие республики в рамках СССР. Я помню, попал на конференцию в Алматы в 1988 году, и там выступал вице-президент, директор Института социологии Эстонской Республики, и он смотрел в зал на нас на всех и говорил примерно следующее: «Почему мы в Эстонии, где у нас 0,71 ребенка на семью, должны платить за молоко ровно столько же, сколько платят в Казахстане, где пять детей на семью? Это несправедливо, этого не должно быть. Если вы считаете, что вам нужно пять детей, пожалуйста, но почему мы должны быть в

одинаковых условиях? Мы должны различаться».

Это была такая постановка, она ставилась не только таким образом. В России, например, возникал вопрос о том, почему Россия должна «кормить» какие-то другие республики. Это раскалывало советскую цивилизацию, в принципе, мы были на грани благодаря таким ходам.

После получения независимости страны разделились на три типа. Первый тип – те, кто имел собственную национальную государственность в той или иной форме до вхождения в российский мир, и потому эти люди стремились воссоединиться с другим миром, поскольку они вошли в российский мир, уже имея государственность в свое время, либо восстановить исторические границы. Это закавказские республики, Молдова, в каком-то смысле Украина.

Второй тип – это те, кто имел цивилизационно-культурную претензию на самостоятельность от менее культурной метрополии, то есть Россия считалась менее культурной в этом плане. Это, прежде всего, Грузия, Армения, имеющие многолетнюю культуру. Либо те, кто трактовал свою историческую самостоятельность – Украина.

Третий тип – это те, кто вынужденно мифологизировал свою государственность и продолжает поиск исторических основ. Это все страны Центральной Азии. Во-первых, я хочу подчеркнуть словосочетание: вынужденно мифологизировал. Я к мифам отношусь очень хорошо. Миф – это то, что создает государство. Это правильно исторически. Без этого не бывает.

Более того, я хотел бы сразу ввести термин: история – это наука о будущем, и поэтому тот, кто не изучает историю, не пытается выстроить свою историю, тот не имеет будущего. Поэтому за свое национальное будущее необходимо бороться и бороться, в том числе, на историческом фронте, поэтому мифологизация здесь – очень важное средство. Другое дело, когда начинается не просто некая мифологизация, а поиск исторических основ в прошлом.

В свое время я просто достаточно долго имел отношение в разных аспектах к Институту стратегических исследований, потом анализа, при президенте, в разных качествах, и я помню, как в 90-е годы в нашем НИСИ обсуждался вопрос о том, что предлагается концепция 2200 лет кыргызской государственности. Я даже помню, что один из авторов трактовал это дело так: «Мы вводим эту концепцию, дабы показать, что за эти 2200 лет государственности в становлении кыргызской государственности участвовало свыше 17 национальных образований и национальных компонентов, и поэтому Кыргызстан – изначально многонациональная страна».

Я тогда прямо говорил: «Вам не кажется, что это будет воспринято немного по-другому, а все эти 16 компонентов окажутся непонятно где, будет воспроизведен один компонент, и это будет трактоваться как естественное все 2200 лет сохранение некоего едионационального компонента в основе». А это основание для конфликта. Так оно и происходит, очень часто мифологизация переходит эту грань.

Я хотел бы обратить внимание существенно то, что национальная независимость постсоветских стран, включая Россию, странная национальная независимость от русского мира у России, получена не в результате вооруженной борьбы, не в результате долгой

борьбы за национальную независимость, суверенитет и так далее. Она свалилась на эти страны, тем самым не созрели социальные силы, носители идеологии независимости, они вот эти 20 лет созревали.

Поскольку, если бы это была борьба за национальную независимость, только в Закавказье на это была похожа борьба, в этом случае была готовность терпеть неурядицы, какие-то трудности, потому что национальный суверенитет был бы главной ценностью, за которую боролись и завоевали, и поэтому необходимо было это сохранять. Эта цель была бы главной, и, соответственно, были бы реальные программы национального развития, а не те проекты, которые пишутся в виде текстов, называемых стратегиями и программами, потом они направляются в Белый Дом, естественно, лежат где-то на полках и иногда изымаются и показываются, что у нас есть какая-то стратегия. Мы в свое время проверяли это, из 150 стратегий ни одна не реализована. Некоторые на 30, некоторые на 10 процентов, то есть практически не реализованы. Некоторые бывшие республики страны Советов тем самым вошли в прямой конфликт с Россией, именно той, что развалила СССР, сама стремясь в так называемый цивилизованный мир, либо пребывают в фазе различий интересов и взглядов на некие ценности.

Итак, первый тип стран, они уходили в другой мир и конфликтовали, но вне противоречий со своим бывшим «большим братом», заискивая перед новым родственником.

Второй тип стран – это те, кто стали высокомерно обругивать бывшего «большого брата», обзывая его варваром, который не желает поделиться своими ресурсами, собственно, вложившим в их развитие больше, чем в свое. Кстати, Россия действительно по многим республикам вложила больше в эти республики, чем в

развитие своей собственной страны, но, тем не менее, она все равно варвар для некоторых лидеров в некоторых странах. Страны второго типа, к сожалению, за счет вот такого логического движения попадают в военные сценарии, поэтому было столкновение, случившееся с Грузией, говорили о вполне возможном в свое время столкновении Украины с Россией. Это реальность, эти страны идут на военный сценарий.

Третий тип стран – это страны Центральной Азии. Мы попадаем в многовекторность или изоляционизм. Отсюда, мы постоянно находимся в неопределенности, а если же мы попадаем под прямое влияние некоего глобального субъекта, то мы можем попасть в прямой конфликт с Россией. Для Кыргызстана я вижу только один выход – надо очень просто и ясно заявить: «Мы очень древняя страна, но молодое государство, и наша государственность началась с 1991 года, и дай Бог ее строить». Так должна мыслить элита. Спасибо.

Улан Рыскелдиев: Здравствуйте, я с интересом прослушал трех докладчиков. У меня вопрос к Армену Арутюняну как к специалисту по Конституции. По моему мнению, многие оплошности в новой Конституции были заложены самими разработчиками исходя из их представлений о взаимодействии президента, премьер-министра, парламента, судов. Они исходили из того, что президент принес столько неудобств, поэтому решили его максимально ограничить. В результате у нас получилась какая-то странная Конституция. Она сейчас больше напоминает задачник по Конституции, чем саму Конституцию.

Вы правильно заметили, суды, по идее, должны формироваться президентом и парламентом. Но в результате они отдали формирование судов Совету по отбору судей. Фактически они придумали еще один конституционный орган, который должен

формировать четвертую ветвь власти. Теперь Шамарал Майчиев даже выйти не может из этого совета, потому что не прописана процедура. Он говорит: «Я должен пять раз не прийти, чтобы меня каким-то образом вышибли оттуда». Вот, пожалуйста, простой пример.

И еще один пример. Парламент формирует правительство, получается, что отдельной ветви власти нет, но при неудовлетворительной работе правительства парламент не распускается, хотя он должен нести полную ответственность за работу правительства. В этом отношении мне больше симпатизируют страны, в которых лидер партии становится премьер-министром, тем самым он несет ответственность, и перевыборы случаются тогда, когда правительство не справляется со своей работой.

Еще один момент. Келдибеков, спикер, но сейчас говорим не о нем, а о должности спикера. По закону коалиция большинства первый раз выдвигает спикера, он был избран. То есть, чтобы получить эту должность, ему нужно получить 50 процентов голосов плюс 1. Но чтобы его снять с должности, нужно иметь 67 процентов голосов, голоса 81 депутата. Здесь получается явное противоречие. Это создает внутренний конфликт парламента, который может привести к его развалу. То же самое касается и правительства, премьер-министра. Его может назначить коалиционное большинство, и парламент может его убрать в любой момент большинством голосов, получается, что у него нет никакой защиты. О какой стабильности парламента и правительства можно говорить? И еще много таких вопросов, которые не совсем понятны. Отсюда я делаю вывод, что Венецианская комиссия, которая очень высоко оценила нашу Конституцию, либо она читала другой вариант, либо у нее какое-то другое представление об этом.

Поэтому у меня такой вопрос. Наша Конституция соответствует самой Конституции, то есть у нас действительно есть три ветви власти? На самом деле у нас прописаны две ветви власти, потому что четко прописаны нормы только о президенте и парламенте. Получается, что у нас нет судебной ветви власти.

Анар и Сергей разбирали этот вопрос, но мне кажется, что мы забыли об одном моменте. Постсоветские страны по отношению друг к другу, как правило, кроме экономических, внутренних социальных конфликтов имеют между собой территориальные претензии. Это как раз то, что может вызвать большой, серьезный конфликт. Если на этих территориях найдут какие-то полезные ископаемые, то этот конфликт может вылиться в вооруженный. Социологические опросы показывают, что когда народы выбирают, с кем хотели бы дружить, то народы бывшего СССР находятся в нижней части таблички, с теми, с кем не хотят дружить.

У меня такой вопрос. Учитывая стремление стран восстановить бывшее пространство СССР, будет ли консервация конфликтов или начнется сильное обострение конфликтов?

Армен Арутюнян: Я, конечно, не буду давать оценку Конституции. Если бы я был экспертом из Армении, я бы дал. Я просто скажу, что, во-первых, по Конституции Кыргызстана президент не является ветвью какой-то власти, он глава государства и олицетворяет единство государственной власти. Но было бы лучше, если бы прописали, что он выполняет функцию арбитра, а не является главой какой-нибудь из ветвей. Законодательная власть олицетворяется парламентом, исполнительная власть – это правительство и судебная власть.

Смешанная форма правления достаточно хороша, сейчас просто нет времени, чтобы я об этом говорил, но я считаю, что несостоятельны любые разговоры о том, что эта форма правления хуже, чем другая. Конституционная практика показывает, что все они, если разработаны правильно, работают нормально, есть удавшиеся и неудавшиеся варианты, как раз в том случае, если механизмы списывают у других, не вырабатываются свои, потому что это трудно и это можно делать только самим. В этом смысле весь этот комплекс взаимоотношений: правительство, судебная власть и парламент – не все доработано. И с точки зрения уравнивания системы сдержек и противовесов тут нет, это недоработано, не предусмотрено. А если что-то недоработано или не предусмотрено, недоговорено и в то же время нет окончательного арбитра, в лице, скажем конституционного суда, то в этом случае ставится только один метод – кто сильнее, тот и победит.

Если сегодня сильнее парламентское большинство, завтра будет сильнее президент, а послезавтра – премьер-министр. Система сдержек и противовесов – это и есть правила игры, они должны быть едины для любой ситуации, потому что единые правила игры помогает сформировать политическую и правовую традицию, которая потом приходит в помощь как регуляторный механизм и помогает. Но если это все время меняется, правовая традиция тоже не формируется. А система сдержек и противовесов – это видимая часть айсберга, но она должна иметь и невидимую часть, она же все-таки опирается на человеческие отношения, на менталитет, на миропонимание, мироощущение, если это все не учитывается и не дается какая-то тенденция к формированию, то это проблема. В этом смысле ее нужно доработать. В то же время надо сказать, что это не проблема Кыргызстана. Нужно войти в воду, чтобы научиться плавать, но и через процесс барахтанья мы не можем не пройти. Нужно учиться, нельзя перманентно барахтаться, об этом идет речь.

Анар Мусабаева: Вопрос относительно того, что интеграции ведут либо к консервации конфликтов, либо к их разрешению, сложный, но я бы ответила на него так. Мне кажется, в любом конфликте, прежде чем он придет к какому-то положительному разрешению, должно пройти титульное размежевание, то есть обострение или, по крайней мере, если брать разные стороны конфликта, то они должны четко осознать разницу своих интересов и разницу своих потребностей. После этого осознания конфликт перейдет или в стадию обострения, или будет найден способ разрешения этого конфликта. Я скептически отношусь к тому, что в ближайшее время на постсоветском пространстве произойдет интеграция, потому что на самом деле многие конфликты находятся в латентной стадии, территориальные претензии, приграничные конфликты и так далее. В конечном счете, если стороны, участвующие в конфликте, будут ориентированы на то, чтобы найти решение конфликта, то через какое-то время такие процессы возможны. Но вначале должно произойти размежевание, четкое очерчивание, в чем мотив конфликта, и противоположности.

Другой пример, который может и не относиться к нам. Например, сейчас очень популярная тема – обсуждение национализма как явления во всемирном масштабе. Не только у нас или на постсоветском пространстве, но вы помните прошлогодние дискуссии о мультикультурализме в Европе и так далее. Мне кажется, и все говорят о том, что там мультикультурализм не работает. Но я думаю, сейчас идет стадия обострения размежевания, когда разные этнические группы, те, которые составляют основу государства, осознают, что их интересы противоположны интересам других этнических групп, что сейчас просто такая стадия, и через какое-то время мультикультурализм все равно будет работать. Но, в конце концов, мне кажется, что другого выхода, кроме как мультикультурных сообществ, этнических сообществ, не существует, это просто разные стадии. Сергей Иванович правильно сказал, что конфликт не нужно

рассматривать как временной акт, что один раз случился и все, это процесс, который имеет разные стадии: от возникновения до созревания, трансформации и так далее. В зависимости от того, на какой стадии находится конфликт, зависят и методы работы с ним, и методы его разрешения. К сожалению, мы часто об этом забываем, но, наверное, в виду того, что у нас научная база по конфликтологии очень слабая.

Сергей Масаулов: На вопрос консервации или обострения можно ответить так. Обострение конфликта начинается тогда, когда этому предшествуют два условия. Первое условие, когда возникло существенное недоверие к действиям друг друга и непонимание действий друг друга, а основанием являются взаимно накопившиеся обиды, когда одна сторона сознательно помыкает интересами другой. Следовательно, обострение возможно, вне всякого сомнения. Но средством преодоления стадии обострения является только одно – договор, фиксирующий интересы. Если мы посмотрим на Евросоюз, мы можем сказать, что это союз стран, многократно набивших в истории друг другу фэйс, потом согласовавших интересы и нормально живущих вместе, оставив все это в прошлом, в будущее они смотрят нормально. То же самое здесь, мы можем смотреть на опыт Евросоюза и не делать этих фэйсообразных движений.

К сожалению, мы это давно установили в социологических исследованиях, это сознание необходимости набить фэйс вносится исключительно национальной интеллигенцией, больше никем, поэтому здесь высокий уровень ответственности перед народом от интеллигенции.

Эдиль Осмонбетов: У меня вопрос к Армену. Мы сейчас идем путем проб и ошибок, как вы думаете, нужно ли ввести какие-то новые механизмы сдержек и противовесов?

Армен Арутюнян: Прежде чем быть основным законом, Конституция – это все-таки социально-общественный договор, который в какой-то степени олицетворяет политическую культуру, правосознание общества. Мы тоже учимся в этом процессе. К некоторым ответам приходим, к сожалению, через апробацию жизни. В случае с Кыргызстаном, так же как и с Арменией, жизнь показала, какие механизмы работают, какие не работают, и что для этого нужно сделать, для этого существует институт конституционной реформы.

Я не случайно привел в пример Армению. Через 10 лет в центральном вопросе – вопросе формирования правительства – мы нашли, в чем наши ошибки и как нужно продвигаться. В этом плане есть потенциал, и Кыргызстан пошел более сложным путем, потому что в более классических формах – президентской и парламентарной – система сдержек и противовесов – более логически упрощенный вариант, и его легче выработать. Смешанный вариант – это более сложная форма, но она и более гибкая в этом плане. Этот путь просто нужно завершить. Объективно, что где-то есть некоторые недоработки, просто их нужно выявлять, учитывать и в процессе конституционной реформы надо устранять.

Я другого пути не вижу, этим путем шли все страны. Посмотрите на Францию, страна приняла пять конституций. Страна начинала свой конституционный путь с президентской республики, закончила полупрезидентской, и на каждом этапе она проходила и парламентарный период, был период, когда Франция была республикой, но президент объявил себя императором, император был главой республики. Мы самобичеванием тоже не должны заниматься. Просто нужно смотреть, понимать, где проблема, и исправлять ее.

Эдиль Осмонбетов: Представитель президента в Жогорку Кенеше употребил термин «премьер-парламентская республика», как вы к этому относитесь?

Армен Арутюнян: Я юрист-конституционалист, в том числе специалист по европейскому праву, 10 лет работал в Венецианской комиссии, но с таким термином не встречался. Может быть, это что-то новое. Есть мнение, что институт президента не нужен, хотя забывают, что институты главы государства всегда существуют, но это может быть не президент, а монарх, потому что в системе сдержек и противовесов роль арбитра в парламентарной форме тоже необходима. Но есть различные смешанные формы, и их амплитуда большая, мы их называем от президентско-парламентской формы, где у президента более сильные позиции, до парламентско-президентской и парламентарной формы правления.

Мы делим это упрощенно, и у президентской республики, и у парламентской есть свои особенности. Например, Германия является парламентской республикой, но там многое взято из Веймарской Республики, которая была первым шагом на пути к смешанной форме правления. Но, например, в некоторых работах мы можем видеть, что премьер-парламентское правление в Британии называют кабинетным правлением, потому что там есть правительство, есть министры с портфелями и без них, и основные вопросы решает кабинет. Но это разновидность парламентарной формы правления, потому что все упирается в форму правления, кто формирует правительство, парламент или президент, или это сочетание взаимоотношений – президент и парламент. Это разновидности трех моделей.

Элира Турдубаева: У меня вопрос к Анар Мусабаевой. Вы сказали, что публичное пространство в Кыргызстане формируется

государством, властью. Как вы думаете, есть ли другие акторы, которые формируют публичное пространство, и вообще, есть ли у нас публичное пространство, в какой форме оно существует в Кыргызстане, если вы провели какое-то исследование?

И еще у меня вопрос к Масаулову по поводу мифологизации. До этого у нас были стратегии, концепции, например, «Манас», или концепция, в которой говорилось о том, что кыргызы – самая древняя народность и так далее. Как вы думаете, можно ли конструировать какие-то современные мифы, которые апеллировали бы к современным ценностям нашего народа, то есть не слишком древние, а именно современные ценности, может быть, тогда они с успехом бы реализовывались?

Анар Мусабаева: На вопрос о публичном пространстве. Я говорила немного по-другому, я говорила о том, что государство, политическая власть имеют возможность конструировать общество через символические ресурсы. В системе отношений между людьми в обществе, которые строятся на признании власти или авторитета в более широком смысле, то, выражаясь вашими словами, в этой системе властных структур государство – это основной актор, потому что государство – это основной институт, который, проще говоря, является инструментом организации отношений в обществе, инструментом построения социального пространства.

Поэтому государство в этом смысле задает определенные рамки пространства, в которых другие акторы тоже могут участвовать, в публичных отношениях и властных отношениях в том числе, то, что мы называем гражданское общество, общественные организации и так далее. Но не надо вводить в такое заблуждение о том, что они могут быть равноправными акторами. На самом деле государство – это единственная инстанция, которая должна

обладать именно легитимностью, в плане того, что определяет отношения людей и определяет пространства, в которых люди взаимодействуют, и может применять легитимное насилие в отношении своих граждан.

Сергей Масаулов: По поводу мифологизации я хотел бы сразу сказать, что миф продуктивен, но продуктивен только в программно-проектной реальности. А продуктивности его в естественном развитии пока не установлено. Более того, мифы как способ, конструирующий мир, уже неоднократно применялись. Например, способ распада СССР – была мифологизация о том, что мы можем войти в какое-то цивилизованное общество, жить там. Я помню, как долго говорилось: «как в цивилизованных странах». В этом плане миф всегда современен, и он делается именно сейчас и конструируется сейчас. Например, могу сказать, что в нашей стране была группа, которая конструировала миф под названием «Стая синиц», это была попытка сконструировать новый способ поведения здесь и сейчас и новый способ взаимоотношений элиты, в том числе и деловой. Это достаточно продуктивная вещь.

Улан Рыскелдиев: Здесь выступал Андрей Грозин, он сказал, что у нас конфликтный потенциал в острой форме исчерпался, у нас пойдут, может быть, мелкие конфликты, но такого сильного не будет. Но и в то же время он сказал, что Россия, Казахстан имеют конфликтный потенциал, потому что там происходит переформатирование властных полномочий, еще он говорил, в том числе, и об Узбекистане.

Меня интересует один момент. Как вы сказали, мы все находимся на разной стадии конфликта, у одних он только зарождается, мы какую-то часть прошли, и такие разноконфликтные, разнотемпные страны вдруг начинают говорить о таких вещах, как объединение, Таможенный Союз. Не получится ли так, что мы

как маленькая страна подхватим этот большой тренд, и нас понесет в эту пучину.

Сергей Масаулов: Мне очень близка позиция Примакова, который сразу же заявил, что три страны с трудом согласовали позиции, и дай Бог нам согласиться. Если еще кто-то собирается сюда вступить, то начинается достаточно долгий период согласования интересов. Если вломиться в Таможенный союз просто так, по политическим мотивам, мы, наверное, получим конфликт. Потому что надо решать массу вопросов социально-экономического порядка относительно гигантского количества нашего населения, которое в социально-экономическом смысле пока живет в другом мире и, оказавшись вдруг сразу в несколько иных условиях, может попасть просто в революционную ситуацию.

Армен Арутюнян: В какой-то степени можно опереться на опыт Европейского Союза, посмотрите, как они расширялись, через определенные сроки времени принимались новые договоры. Там же огромное количество договоров, был определен Европейский Союз, до этого было Европейское Сообщество. Начали свободное движение капитала, товаров, рабочей силы и так далее. То есть каждый раз обязательно вехи времени было оформлено юридически. Несмотря на это в Европейском Союзе есть такое понятие, как разноскоростная Европа. Поэтому не перенимать этот механизм, а логически проанализировать и понять, как идет процесс интеграции, потому что речь идет об интеграциях различных обществ, и как бы они долго ни были вместе, за эти 20 лет особенности проявились для того, чтобы интеграция давала больше плюсов, чем минусов. Есть хорошая фраза: «Нужно спешить медленно», если даже есть большое желание, но все-таки необходимо правовое оформление, учет всех социологических, демографических, экономических вопросов необходим.

Сергей Масаулов: Чем мне интересна интеграция в Евросоюзе, что они положили в основание стандарты. Соответствуешь стандартам, можешь перейти на следующий этап. Пока не подтянул некоторые свои процессы до этих стандартов, значит, пока не готов. Когда в основание кладут конкретные критерии, то появляется некая перспектива. Когда в основание кладут не стандарты, а что-то вроде пожеланий, политических конструкций или в основание кладется какая-то помощь, то интеграции не получается, потому что в большей мере получается обида, что вы нам обещали, но не получилось.

Мээрим Шамудинова подвела итоги Круглого стола и поблагодарила участников.

Данный Круглый стол был организован в рамках проекта «Молодежь и мирные методы разрешения конфликтов» при поддержке Департамента международного развития (DFID) в Кыргызстане.

Anar Musabaeva: «Expert community of Kyrgyzstan and decision-making process»

Anar Musabaeva: «Expert community of Kyrgyzstan and decision-making process»

01.07.2011

«Forecasts and scenarios of political developments are often based not on professional policy analysis, but, in the best case, on intuition, and in the worst

case — on the views of other more «itative» or more popular experts, usually foreign,» said Anar Musabaeva, a political analyst, in her article written exclusively for the Institute for Public Policy (IPP).

What is the role of the expert community in making important policy decisions in Kyrgyzstan? Is it possible for the expert community to act as a connecting link between the government and civil society, and what obstacles to this are there? This article discusses the key aspects of development of expert community in Kyrgyzstan and gives recommendations for addressing some of the problems identified.

Factors determining the role of the expert community in decision-making

The problem raised in this article has already been discussed earlier in connection with the role of the class of intellectuals in the development of the country and in development processes of civil society and the mechanisms of public (social) policy in the context of democratic institutions. Recently, the role of experts began to be regarded in terms of management processes and political decision-making.

The topic of the role of the so-called think tanks in the modern world has reached us, although its discussion in the analytical community of Kyrgyzstan is quite sluggish.

Given the poor quality of management decisions taken at the level of government and increasing number of careless decisions taken in various fields of the life of our society, the following questions become logical: Where are our intellectual resources? How are they used in decision-making system? Do public officials listen to expert advice and recommendations?

These questions are really puzzling, especially given that, in our country, one can observe the *expert syndrome*. There are so many various experts as well as expert groups, and yet it is hard to say that processes of political decision-making have some intellectual «recharge» and are based on recommendations of experts. Which factors affect the value and role of experts in management processes?

From my point of view, we can distinguish **several factors**:

- Distorted perception of the role and value of the expert community among participants in social and political processes;
- Problems of development of the expert analytical community and the issues of formation of intellectual products in the analytical services market;
- Traditions of political culture and lack of demand for expert services, or poor articulation of the demand by decision-makers (DM);
- Lack of mechanisms for translating expert advice into the policy.

Each of these factors includes many aspects. We will try to consider some key features of the development of expert community of our country at the present stage.

1. Distorted perception of the role and value of the expert community among participants in social and political processes□

Who is an expert? How to distinguish experts from non-experts? Are there professions of an expert and an analyst? What is the difference? Such questions

typically begin discussion on the status and role of expert community. Sometimes, they even talk about who is of higher rank — the analyst or the expert? All these questions and discussion suggest that people begin to understand the role of intellectual resources in the development of the state and especially in decision-making and that people are searching for answers to important questions related to the role of intellectual forces. On the other hand, these discussions indicate weak potential of the expert community and a lack of knowledge and understanding of what constitutes the policy analysis and analytical product. In its turn, this potential is understandable, given the level of development of political science in the country, particularly for applied policy studies that are still in embryonic state in Kyrgyzstan.

Professional use of political analysis is a very important factor in changing the process of policy-making. The problem is that in Kyrgyzstan, there are very few professionals who are professionally engaged in political analysis. It should be noted that forecasts and scenarios of political developments are often based not on professional policy analysis, but, in the best case, on intuition, and in the worst case — on the views of other more itative or more popular experts, usually foreign.

One of the important phenomena of expert analysis communities' development in Kyrgyzstan is the *expert syndrome*. It's no secret that now it became fashionable to be an expert in a particular area. It is even worse when people act as experts in general, or when other people consider them as such. Due to these factors, the concept of «expert» has been devalued, and this circumstance plays against the expert community. For example, in the eyes of many public officials, an expert is a member of some NGO, and semantically, this word is rather dismissive.

The image of an expert as an NGO member was formed largely due to the fact that those organizations that offer various analytical services, engaged in applied research of various problems and offering some policy recommendations, are in most cases registered as nonprofit organizations. Such organizations receive financial resources for research from international donors, and in this sense, they are perceived by many people as NGOs.

On the other hand, in the NGO sector, there are really focused significant intellectual resources, which, being engaged in certain activities, indeed have information on their field and are well aware of trends and facts in the area of their research. Finally, some NGOs are engaged in advocacy of certain socially important topics, for example, gender equality, children's rights, public control over activities of state bodies, preventing the spread of AIDS, etc. These NGOs are engaged in advocacy and often present their activities as public expert activities. State bodies' reaction to their activities is controversial, and they have claims to the NGOs.

State structures tend to consider the public activities of NGOs as non-constructive activism, opposition to power, bravado, working for foreign audiences and even lobbying on behalf of certain groups and foreign sponsors. State structures express their doubts about the professional level of representatives of civil society. NGOs themselves sometimes give reasons for such attitude. Without false modesty, and without sufficient justification, NGOs often call themselves experts, just because, in their opinion, they have significant information in their field. Often, NGOs also show misunderstanding of state specific apparatus and intervene against its hierarchy, conservatism and bureaucracy.

In their turn, government officials have neglect attitude to NGOs and experts working in non-governmental sector, due to simple jealousy, because officials are reluctant to let NGOs in areas that are considered only «theirs». In addition, there are stereotypes that NGOs in no way should be involved in politics. There is also a fear among public officials to be not in the best intellectual form in public debates with NGOs, because officials do not always show the best example of professionalism.

There are also relationship problems between political and expert communities and representatives of the NGO sector. Actually, the task to distinguish clearly between these two groups in the context of Kyrgyzstan is complex enough. Most centers of analytical services in institutional and legal sense are NGOs. Many experts somehow interfere with NGO activities. Part of the NGO leaders are

inclined to consider themselves experts-practitioners, showing distrust toward «desk» experts from their point of view, who know nothing about real life. Sometimes this criticism is not without foundation but can be a result of experts' stereotypical vision. Many NGOs are also trying to conduct their political-oriented studies, for example, on poverty, gender equality, access of the population to social services, and collect various information, i.e., they are implementing activities, which require certain analytical capacity and in a sense create self-importance of expert knowledge of NGOs.

On the other hand, experts for whom the analytical work is their profession show some snobbery towards NGOs and their pursuit of analytical work, considering the approaches of NGOs too simplistic.

Perhaps, there is also a feeling of experts belonging to the «elite» and proximity to high-level politics. Government agencies have an easier access to the best experts unlike small NGOs with their limited resources. This is not only the solvency problem of NGOs in obtaining analytical services but also partly NGOs' perception of experts as competitors in obtaining donor funds, short-sighted policies of the leadership of NGOs, skepticism about the usefulness of experts, and partly the closed nature of expert teams that are unwilling to work with NGOs.

Such an ambiguous image of experts is in many respects due to the habit of introducing many people of different professions as experts in the media space. Most often, we see how media «appoint» experts. Media find a good expert (and sometimes, not very good), interview him or ask for comments on various issues and then begin to invite him to various roundtables and conferences and make him a constant source of their . One gets the perception: «If the person is not on television, he is not an expert.» There is substitution of concepts, and it becomes unclear whether a media commentator is also an expert. Television fate of a columnist begins to live apart from him, and it becomes unimportant which education he has, whether his opinion is opinion of an expert, of a simple educated man or of the layman. However, I do not argue that all media commentators and observers are amateurs. It would be too simplistic. Commentators are also

different. Some comment on only what they know, while the others comment on whatever topic possible, because they do not want to offend journalists. But this behavior only contributes to devaluation of the word «expert».

In summary, we may say that problems and complaints come from all parties involved in socio-political process.

2. Problems of development of the expert analytical community and the issues of formation of intellectual products in the analytical services market

The debate on development of analytical capacity in the country often revolves around think tanks. In various versions of the translation think tanks are called «factories of thought,» «brain centers,» or «analytical centers.» With reference to our country, I would prefer the term «analytical center.»

Have we the analytical centers? Surfing an online search engine, I found a list of organizations in Kyrgyzstan that provide analytical services on the website «www.open.kg». Having watched this list, we can conclude that it contains multidirectional organizations: organizations offering a broad or narrow spectrum of consulting services, various research organizations, including those dealing with applied research (marketing, economic analysis), lawyer-type organizations, human rights and training institutions, and NGOs specializing in a particular area. Organizations differ in their institutional forms and perhaps in their sources of funding. In general, there is a quite versatile and large for a small country company of organizations that position themselves as think tanks. Even if we take into account the broader significance of the term «think tank», which most likely was used in the preparation of this list, one would seem to be only glad with presence of so many analytical institutions, providing analytical services. It seems that there is even specialization between them that logically should indicate the presence of market research services.

But are these centers analytic in reality? Can they be considered as think tanks? And is it possible to speak of the market of analytical services? What is the total impact of all these organizations on the processes of policy formation and implementation? Apparently, the answers to these questions depend on the impact of the arguments on the influence of expert analytical community on decision-making processes.

In reality, there are many development problems of the expert community. And in order to make those organizations that have relation to the expert and analytical work not fictional but real think tanks, there should be several pre-conditions.

First, the issues of development of analytical capabilities of expert structures themselves are important. In the current circumstances, analytical capacity accumulation is a matter of the will of representatives of the expert community. Some experts are trying to maintain their professional growth through trials and mistakes and self-education, sometimes with the support of international donor education programs and grants, but not all experts are doing this. Some of them do not even try to self-improve, because they do not see the demand in serious analysts, while the others have no chance to do it, because they do not know how and from whom to learn and gain experience of the analytical work. And there is a category that does not perceive the analytical work as their profession.

As noted above, there are many problems with development of science, especially applied studies that are designed to use theoretical developments for specific solutions in problematic situations taking place in the current political and social practice.

There are many types and classifications of think tanks. But whatever typology we take, it is necessary to state that development of think tanks in Kyrgyzstan is weak. For example, in Kyrgyzstan, there are no scientific schools in academic institutions. In universities, there are virtually absent the areas of applied scientific

research, particularly in the area of political analysis, i.e., there is no basis for development of brain centers at universities. It is also difficult to name the experts from the academic environment that would have the influence on public opinion. Intellectual works of representatives of the academia are oriented toward expanding the list of publications for obtaining academic degrees and positions and are not focused on solution of topical problems of everyday life. Theoretically, perfect for the role of incubators of ideas, universities so far face many obstacles on the way of development of analytical capacity. There is lack of human and financial resources and managerial skills, and there is dependence on government agencies in the form of obtaining official accreditation and, consequently, there is no desire to actively engage in politics.

Nonprofit analytical structures are forced to fight for the resources of donors, which does not allow them to specialize, as non-profit analytical centers have to survive. At the same time, the opposite situation is often observed when large donor organizations, by their long-term partnership with one or more organizations, create a kind of monopoly on the provision of analytical services in a particular area. Such monopolistic organizations jealously protect their own niche, which prevents normal competition and development of alternative solutions, and creates corruption and slows down the increase of supply in the analysis services market.

Another problem node is the question of independence and intellectual autonomy of think tanks. We must state that to date, our analytic centers do not formulate the agenda.

The agenda in this case means not the Soviet understanding of the agenda as a discussion list at a meeting. It means a set of themes and topics that are the most important in the current context and introduction of this set into conscience of the mass public audience. Who and how forms the agenda at the moment? Analytical community does it very rarely. Most often, the agenda is formed by international donors and government agencies. Donors have financial resources, and local analytic structures are trying to fit in the donor agenda.

Even if they have something to offer as an agenda for the country and its development, it is hard to do so, because the expert community has few resources to work on their own agendas. Sometimes, donors and government agencies jointly shape the agenda that meets their corporate interests but are not necessarily of relevance and priority issues for society. It also happens that donors are mistaken in choosing the areas of investment for various reasons — for reasons of their own ignorance, for reasons of corruption or incompetence of local players. As for the state, it shapes the agenda from its point of view, choosing the topics that help legitimize the chosen policy.

An essential problem of the expert community of Kyrgyzstan is the sluggish development of proposals of analytical products. According to the Global Index of think tanks, there are eight (8) such centers in Kyrgyzstan. However, it is difficult to see the work of such centers since there are limited opportunities to see the results of their work. Very rarely may one read the transcripts of expert meetings or presentations by the experts of think tanks. There are various «expert hangouts,» various debate platforms, and expert communities of a club type, organized by individual experts or expert groups.

But there is no exhaust of such sites in the form of ideas, concepts, public appeals to the officials, etc. The question of how experts are raising the awareness of general population, especially of active groups, is also important. In many countries, think tanks often broadcast their findings and developments for the population in the form of clear and concise reviews. Through such actions, think tanks play their role as an intellectual bridge between the government and society by initiating public discussion of acute problems of domestic and foreign policy and acting as a tool for civilian control. To date, our society is on its own, the expert community is on its own, and so is the government. Just like drifting icebergs.

Finally, there is a big problem with the promptness of expert-analytical community with the ability to respond to pressing current problems. This is due to the lack of general independence of the analytical community, including in the formulation of an independent agenda. But the poor efficiency of our expert community is

connected with a fear of responsibility in critical situations, which is, on the one hand, connected with their weak potential to influence the public opinion, fear of the state machine and lack of confidence in their own skills. The tragic events in the south of the country last year showed the unwillingness of our expert community to respond to the situation and make recommendations that meet the current crisis. We are talking about a prompt expert response, not on preventing forecasts of the political crisis, which, without any doubt, is also extremely important. Non-readiness of the expert community to work more actively and efficiently, his detachment from the decision-making in the crisis contributed to the fact that politicians, journalists and NGOs took the reins in the issues of ethnic relations in the country.□

3. Traditions of political culture in the relationship between the powerities and the expert community. Lack of demand for expert services on the part of decision makers

A major factor influencing the role of the expert community in decision-making is the tradition of political culture. The political culture of our society has long been characterized by closeness of the political process and the lack of pluralism. In this system, there was no place for mediating structures such as think tanks, which would play the function of a connecting link between the government and society. Political decisions were made by leaders, and influence on their decisions were made by a group of interests, and there was no clear and certain regulatory system of lobbying. Attitude toward intellectuals was in the spirit of the Marxist understanding — their function was legitimation of the political elite. Therefore, even if the state was interested in analytical support, it should have been done with the state affiliation. Analytical structures were not independent. This political tradition is largely preserved to this day.

Governmental structures are rarely interested in the products of truly independent think tanks. Government officials often consider themselves competent: they want to dominate and make decisions that primarily meet the interests of the ruling elite. Government agencies always think they know better the problems and needs

of the population. Therefore, their attitude to independent experts is condescending and they follow the slogan: «If I want, I will let them be closer, and if I don't want, I will not let them approach.» This approach, of course, rarely implies the interest in independent analysis and objective findings and conclusions.

Kyrgyz politicians often overestimate their abilities to independently analyze the current situation, identify problems and predict events and processes. Experts are regarded as distributors of ready-made solutions. Some experts agree with such a role, while the others disagree. Many politicians publicly declare that they prefer to solve problems independently, without the involvement of experts. Sometimes, the politicians resort to the services of analysts when they cannot make a decision themselves. But there is no institutionalization of these relationships, and there is a utilitarian attitude to experts. As a result, we are seeing the consequences of hasty and inefficient decisions in different areas. The tragic events in April and in June 2010 were the results of mistakes: errors in making and implementing policy decisions.□

Take, for example, the sphere of foreign policy, which is extremely important for a country like Kyrgyzstan. Many steps in foreign policy are often made spontaneously, intuitively, and are usually associated with personal preferences, private interests of politicians and the need for foreign financial support. However, there is no systematic information-analytical support of the Ministry for Foreign Affairs either within it or in the environment, since there are no think tanks dealing with foreign policy and international relations. Untrained and ill-considered decisions continue to be a problematic point of our politicians. Such actions weaken the system of government and give rise to distrust in government and politicians.

It is also early to talk about the development of party-affiliated think tanks in the country. This is connected with the nature of parties and their level of development. Secondly, it is connected again with political culture. To date, no one can truthfully say how a political party shapes its reaction to events and phenomena, for example, in foreign policy. Everyone is used to the fact that

leaders say first one and then another thing.

Policy makers are interested in political technologists. Why? Because they are interested in manipulation skills of experts in order to achieve their own goals during election periods. Image-makers and PR managers are demanded by politicians but not serious professional analysts. Why should they worry about the basics of foreign policy in order to take into account the notorious national interests of the country? Why should they worry whether the country is to remain a social state in 5-10 years? And if they do not worry about it, why should they spend money for analytical services? It seems quite logical.

4. Lack of mechanisms for translating the recommendations of experts into policies

Lack of infrastructure for translating the recommendations of the expert community into policies, or, in other words, lack the mechanisms for the use of expert knowledge in decision making, is one of the problematic questions of the expert community relations with the state.

The state did not build good analytical structures affiliated with the state and did not learn how to use the intellectual resources of independent think tanks. Government officials prefer to invite external advisers, and personal relationships and personal trust play the most important role here. With regard to local experts, they are invited occasionally for specific issues or projects, and usually personal connections also have the determining role here.

Formats of public policy have not yet become an integral part of decision-making. However, we must work in this direction, including think tanks. For example, think tanks could do more for political education, government and citizens through their analytical products, involving active citizens in the process of reflection and public

discussion of important issues.

To be eligible for some kind of regularity and institutionalization of relations with the government, think tanks must be permanently active. The main purpose of think tanks is not to conduct basic and applied research, although many think tanks are involved in such work. The main purpose of think tanks is to play the role of mediator, sought to collect information and synthesize knowledge offering solutions for consumers. Lack of resources, both financial and human, making the task of continuing operation of the complex, prevents the structuring and expertise of think tanks. Donor organizations, aiming at developing democratic institutions, must avoid the temptation to invest their resources in the state structures while ignoring the need to support analytical resources and help them influence decision-making.

In the absence of public plural channels of influence on politics, selfish ambitions of the most influential groups and their lobbyists will prevail, and public policy will continue to be Italian and corrupt in its . Today, there are only a small number of donor programs with small budgets aimed specifically at the development of think tanks and the capacity of their experts. Among these programs, there is a program of the Norwegian Institute of International Relations, Open Society Institute, which has been working in the country for several years.

There is no other way for the expert community to influence the process of political decisions making but to participate in this process. Therefore, we need to introduce various formats of interaction with power institutions through holding seminars and conferences and working through the media, in order to shape an agenda and determine the format and directions of public debate on important public issues. Think tanks should have access to politicians. In our reality, the access to policy makers is based on personal relationships and loyalty. However, they can be used in a positive way to get access to information and involvement in decision-making processes.

Taking into account the above said, it is possible to make a few recommendations.

Recommendations

Government agencies

- The state machine is conservative, hierarchical and slow. State officials do not have time or skills to quickly analyze all the facts, prepare an overview and discuss the implications of a decision. Therefore, resorting to the aid of expert-analytical structures is important and necessary in order to avoid errors and mistakes in policy, which are always too costly for the country and, above all, for its citizens.
- It makes sense to listen to alternative views of experts on the same subject to make the best decision. Public bodies should not focus on one, even if he is an «itative» and trusted partner.
- Think tanks should be involved in a variety of formal legitimate proceedings as experts. Such procedures may include participation in the parliamentary committees, consultative meetings, or contract work.
- There must be provided legitimate channels of interaction of analytical structures with government agencies, including think tanks, opposing the power or having an alternative point of view.
- The state should develop a system of state orders for research products to local organizations on key policy areas on a regular basis. State leaders must finally pay attention to the development of local analytical capacity. It is impossible to keep on using «foreign brains.»

Think tanks

- To be a subject of politics and influence decision-making, it is important for analytical centers to conduct active policies, first of all, to advance their research products.

- It is necessary to publish their analytical works and analytical products to form a proposal in the form of regular or periodic analytical reviews on important issues of the country and offer them to important subjects of political processes.
- It is important to maintain multi-format types of dialogue and communication both with government institutions and civil society organizations, with individual politicians and other expert communities.
- Think-tanks can use any legitimate channels of access to politicians and decision makers, including personal contacts, media, contacts with political parties, etc.
- Think tanks need to be more active in formulating the agenda for the country. Even taking into account the dependence of many analytical centers on international donor assistance, if desired, media and electronic resources can be used as channels for shaping and setting the political agenda. Thus, analytical centers might become pre-act rather than reacting post factum to the agenda, which has already been formulated by other participants in political processes.
- It is necessary to develop the skills of prompt responding to various operational problem situations, especially in times of crisis.

Academic structures

- To develop special training programs of policy analysis and applied research.
- To form small think tanks in universities and invite part-time or contract specialists from proven analytical centers.
- Universities can serve as platforms for public debate on matters of public interest.

Donor organizations

- Provide targeted support to the development of analytical capacity in the

country. The smaller the capacity of analytical centers, the smaller will be the space of public policy and the less there will be democracy.

— Do not induce the monopoly of even non-governmental analytical centers in a given area. On the contrary, where possible, promote alternative research products on similar problems in order to develop the market of analytical services and healthy competition.

— Donor organizations wishing to invest into think tanks and research institutions dealing with policy issues should accentuate the provision of institutional support and not focus only on results of short-term projects.

— It is advisable to try to support projects that would build bridges between academic institutions, NGOs and expert communities to institutionalize the mechanisms for public policy.

NGOs and expert communities:

— NGOs and expert communities must turn to each other and give up their corporate egoism. By preserving the autonomy of each other, civil and expert community, they can become allies in solving socially important problems. Competition for resources, of course, plays the role of an interfering factor in this context. Nevertheless, we must realize that there must be a certain division of labor, which will improve the quality of both NGOs and experts. Otherwise, everybody will be a little engaged in everything, but there will be no real influence on political decision-making.

— NGOs and think tanks can find ways to cooperate and implement joint projects, complementing their strengths. So, think tanks have an advantage in the form of skills, techniques, analysis technologies. They can make sound conclusions. NGOs also work with the population and have significant information about the needs and requirements of different population groups; they have operational information about different places. Kyrgyz NGOs are also much more active (in comparison with experts) in the field of dissemination of information and findings of political-

oriented research, and they have advocacy skills and their own channels of communication with state agencies and with the public.

Roundtable transcript: “Society participation in conflict resolution in KR. Developing the strategy of mediation promotion in Kyrgyzstan”

Roundtable transcript: “Society participation in conflict resolution in KR. Developing the strategy of mediation promotion in Kyrgyzstan”

29.06.2011

On May 27, 2011, the Institute for Public Policy held a Roundtable on the topic: «Society participation in conflict resolution in Kyrgyzstan. Developing the strategy of mediation promotion in Kyrgyzstan.» □

Moderator: Rustem Maksudov, the president of the Moscow Centre «Legal and Judicial Reform» and the head of the Russian Association of Restorative Mediation □

Participants:

Asel Aynidinova, a social worker of the public foundation «Insan Generation»

Aida Arapova, a southern representative of the public foundation (PF) «Sun Country»

Elmira Arapova, the head of the PF «Sun Country»

Temirlan Aytkuluev, the head of the legal department of the PF «LARK Karabalta»

Tulanbek Asakeyev, the head of the public association «Kelechek Nuru»

Natalya Afanasenko, a program assistant of PF «League of Child's Rights Defenders»

Nina Bagdasarova, the head of the Social Integration Center

Gulzhan Bekembaeva, the head of PF «Insan Generation»

Valentina Galich, the head of PF «Chintamani»

Baktykhan Japarova, the head of the legal department of PF «Justice»

Azelkan Jumataeva, the director of Osh regional office of PF «For international tolerance»

Elena Ivanova, the director of the human rights center «Egida-Chance»

Aynura Ishenalieva, a lector of the International University in Kyrgyzstan

Lira Karagulova, the head of PA «Intercultural Education»

Ayzat Kokulova, a program assistant of PF «League of Child's Rights Defenders»

Gulnaz Kolsarieva, a trainer of PF «IRET»

Chantal Lebra, the head of the military-political department of the OSCE Center in Bishkek

Akmal Mamadaliev, PF «New Generation of Lawyers», «Way of Truth»

Abdumomun Mamaraimov, CEO of PF «Voice of Freedom»

Mirlan Medetov, network of child protecting NGOs

Saltanat Musuralieva, the head of «Hadisy» NGO

Gulnara Orozova, a lawyer of PF «Human Rights Protection»

Gulina Otunchieva, a social worker of PF «Insan Generation»

Inna Rakhmanova, a senior program specialist of the Education Programs Department, IREX, moderator of the Mediators Association's mailing list

Saydabyt Rakhmanov, the head of PF «Nookat Taby»

Gulnura Soorbekova, a trainer of «Peaceful Changes», Mercy Corps

Gullola Tashkenova, a representative of the «Kylym Shamy» human rights center, Bazar-Korgon

Mayram Tilebalieva, CEO of PA «Darshayim»

Kadyrbek Shadybekov, the head of PA «Hope and Peace»

Meerim Shamudinova, a program coordinator of the Institute for Public Policy

Abdumalik Sharipov, a program coordinator of PF «For Justice»

Aliyma Sharipova, the Director of PF «Culture Plus»

Asylbek Eshiev, the head of «Equal Rights and Opportunities» center □

Meerim Shamudinova greeted the Roundtable participants and announced the topic. □

Rustem Maksudov: Hello. I suggest you projecting today's roundtable together. I think it is important to discuss how mediators will receive the directions for mediation. □

Second question is how the work of mediators will be organized, i.e., how a mediator can moderate meetings. Let me comment here. There is not any single system of mediators' work in the world, as there are various forms of mediation organization. □

Foreign experts on the role of external factor in the upcoming presidential election

Foreign experts on the role of external factor in the upcoming presidential election

27.06.2011

The Institute for Public Policy (IPP) asked foreign experts the following questions: a) Will the foreign factor play a significant role in the upcoming presidential election; b) Will support from foreign media help any candidate; c) Will the Constitution be changed after the election toward the presidential regime, and what is the impact of foreign forces on this process.□

External factor

Andrey Grozin, a famous Russian expert, the head of the Central Asia and Kazakhstan Department at the Institute for CIS countries, commented on the influence of external factors on the election results: «Both Russian and Central Asian analysts say that the role of external factors in the upcoming presidential election will be quite significant, if not to say determining. Politicians in Kyrgyzstan understand it, too. This is a reason for numerous visits to Moscow, Brussels and even Washington, or, at least, I heard that some politicians often attend the US Embassy in Bishkek.□

Politicians do understand that external factors will play an important role and try to get support from everywhere. Well, they are not original in that. Your neighbors do similar things. They also try to pursue multi-vector policy. It is the essence of multi-vector policy in Central Asia. Simply, in the pre-election campaign, when personal and group interests play the most important role, this multi-vector character becomes a matter of survival, not some abstract foreign policy term.□

Therefore, it is clear that so many parties are interested in the election results: not only candidates, but also groups, political parties, and regions that form large concentric circles around future presidential candidates. They all hope to build some configurations, and they all think about whom they should bank on, whom they should support, whom they should criticize, etc. So, the attempts to use this external factor seem quite natural. One should not blame politicians or political parties for «selling» national interests of the republic, for serving the interests of

Moscow, Astana, Brussels or Washington. It is a natural part of the political process. Simply, in Kyrgyzstan, everything is more visible.□

Experts advise Presidential contenders: What should not be done during the election campaign

Experts advise Presidential contenders: What should not be done during the election campaign

10.06.2011

On May 20, 2011, the Institute for Public Policy held a meeting on the topic «Recommendations of experts to presidential contenders: What should not be done during the election campaign.»

The event was attended by: Sheradil Baktygulov, a public administration expert; Askar Beshimov, the executive director of the economic research foundation «Project of the Future»; Valentin Bogatyrev, the Head of Research Consortium «Perspective»; Zoya Kazanzhi, a media expert (Ukraine); Ednan Karabaev, ex-Minister of Foreign Affairs, a political scientist; Anar Musabayeva, a political analyst; Almas Turdumamatov, a media expert; Murat Ukushov, an expert on constitutional law.

Askar Beshimov: First of all, one should not play on regionalism. Second,

contenders should not make unrealistic promises. They should have strategic vision for the future of the country. Third, they should not be hypocritical: when they say something to a group of voters of one nationality and say an absolutely different thing to another group of different nationality. This will only lead to a split in our society. Fourth, it is necessary to establish normal and mutually beneficial long-term relations with other states, not trying to use external resources for the election campaign. Fifth, it is necessary to stop changing the country's legislation. Sixth, there should not be use of administrative resources. Seventh, contenders should not cooperate with criminal structures.

Ednan Karabaev: Everything that you've mentioned will take place. Do you think the fact that you recommend will prevent them from using the criminal world? Do you think they will not promise? Of course they will. Will not they use administrative resource? They will. Will not they bribe? They will. Will not they use an external factor? They will. They will ask for money. Will not they use the religious factor? Of course they will. They will also use the regional factor. They will.□

Our main concern is that the election might serve as a catalyst for the explosion. The only thing we should recommend to the State is to strengthen inter-ethnic relations, because it is the most powerful factor, which can really lead to serious consequences.

Manipulation with election results or something similar can be forgiven. The main thing is that we should not let the situation «explode». We must preserve this fragile state. There is no difference who becomes the President. We can see what is the current political elite. What are you waiting for? A Messiah, or what? Let the President change every year or every two years. The main thing is stability, so that citizens are not afraid to live here. Why should we talk about the things that are impossible? All those risks will take place. But let them be within reasonable limits.

We must educate the next generation. Political elites, which have been engaged in

destruction for 20 years, cannot refuse from using the instruments during the election campaign, which they traditionally used. And it's not that those elites are bad; they were raised in a specific environment. Therefore, we need 5-10 years of stability that will allow the new generation to gain experience.

Zoya Kazanzhi: I have often come to Kyrgyzstan since 2005, and I remember the euphoria that was here in 2005, after the Tulip revolution. This euphoria was very similar to our own after the Orange Revolution. And there was very interesting discussion on the topic of constructing civil society here. Since then I have been tracking what is happening in Kyrgyzstan.

I listen to our current discussion, read your websites and understand that we are very similar. There are really 36 stories in the world. There is nothing new we can come up with, and in politics, there are similar stories.

In the Ukraine, there are several political talk shows. These programs are live, and many viewers watch them. In the studio of the «Schuster Life» program, there are always two categories of viewers: those born in the Ukraine since 1991 and, relatively speaking, their parents: doctors, sailors, retirees and so on. When a speaker talks, all those present in the studio click special buttons to express their support or non-support. And on the screen, one can see the level of trust to one or another newsmaker.

Quite often, people of different ages have different attitudes to what was said in the studio. The young generation has different opinions from that one of the older generation. This category lives in the information world. They are freer, they are freed from stereotypes, and they are more pragmatic and probably more cynical in their attitude toward politics and politicians. On this basis, many NGOs, political, and

community leaders suggest that they should bank on the youth, the so-called «potential electorate,» because people of an older age will not change.

We shuffle people in power — at the level of cities and at the national level. They are rearranged as chess pieces, from chair to chair. But the essence does not change. And besides, I believe that there is another danger to society — children of those in power. If their fathers have to use their brains at least a little to steal something, multiply it and turn it into a profitable business, their children do not have to use their brains as they grew up in an atmosphere where everything is already available. They come to work in the prosecutor's office and public bodies, because power is the largest and most successful business in the Ukraine. And there is no system of checks and balances. Many members of the government of the Ukraine are millionaires. On the one hand, this is good. But on the other hand, is this good in our poor country?! It is clear that nobody in the world is ready to talk about the first earned million. In the Ukraine, nobody is willing to talk about the first earned billion, because it is usually stolen money.

Here, you are talking about new political elites. And where will they come from? Who will let new people come to power? It's like in a proverb: the son of a colonel will never become a general, because the general has his own son. The power «substitute bench» is short enough. Power ities, actually, do not need any substitute bench. Power ities also do not need any competition or smart partners.

We do not make conclusions from past lessons. We regularly step on the same rake. It has become a national tradition.

Society should consider power as a management system, where the President is the top manager. He must select personnel and organize work in such a way that we, members of a large corporation, citizens of the country, could feel it on the quality of our own life.

In 2004, on the eve of the Orange Revolution, when it was clear that there was no confidence in state institutions, that people were ready for resistance, democrats and liberals relied on the head of the National Bank of the Ukraine, Victor Yushchenko. Journalists who traveled with him saw that he was a vacillatory head. When it was necessary to sign some important document, he always left for a business trip or fell sick. But because, by default, journalists understood that he was the best of the worst, they felt that they should choose the lesser of two evils. And, not by malice, but having good intentions, journalists gave better evaluation of Yushchenko as a politician than he actually was. Vacillatory person is not the worst one! And the society, the citizens, did not have complete, unbiased information. A Russian proverb says: «Of two evils, we must choose the lesser», but an English proverb reads: «Of two evils we should choose either one.»

President Yushchenko gave the citizens of the Ukraine great hope. We really believed that new time had come, that we had chosen a European way of development.

I hope that many reporters understood that they should not make representatives of power ities smarter than they are in reality. We should not believe their words. Journalism is an independent profession, and if journalists become subjects of the political process, they are responsible for what happens, just like all other political actors in this process.

In the Ukraine, there was a discussion on the topic whether journalists were responsible for the political crisis, which erupted in the country and led to the dissolution of the parliament. Many people said that journalists were responsible for that, because they had assumed a mission to interpret the facts, to be advocates or prosecutors toward power ities. Although in reality, journalists have another function.□

In the Ukraine, on May 9, the law «On access to public information» came in force.

This is a quite progressive, even revolutionary, law, because not only a journalist, but also any citizen of the Ukraine, has the right to request a topic, which interests him most of all. And within five days, the request must be answered. What is our society worried about? The first requests, as a rule, were about property of our public officials, how much they earn, what they have, because many of our politicians have various property of unknown origin.

For example, Victor Yanukovych, the President, is living in a country house, the territory of which amounts to 146 hectares. How did the President get this property? At a press conference, one Ukrainian journalist, Mustafa Hayem, asked the President Yanukovych to tell how such a large territory was owned by structures close to the President? The President replied that journalists invented this story. He said that he had only one small house. He suggested journalists to go themselves to his house and see. Journalists liked that suggestion, and, after the press conference, they came up to the Deputy Chief of the President's Administration, Anne Herman, a former journalist, who told them that the journalists could not go right away to the President's house, as there was no bus for them. But she promised that they would organize a special trip for journalists to the President's house in the nearest future. Journalists have been waiting for more than a year, and, at every opportunity, they remind the President and his Press service and Anne Herman of the promised trip. I do not think that journalists will ever go there, but the community knows quite well that the President has something to hide. Given the current technologies, this presidential residence was photographed from all possible angles, including from helicopter. So, as you can see, having new communication channels, it is difficult to hide information. In Egypt, the revolution was made for 18 days, and under pressure and enormous counter actions, people used Facebook and other social networks to inform each other.

Regarding the work of campaign headquarters, both in Kyrgyzstan and Ukraine, there is a phenomenon of bribing journalists. Headquarters create a group of loyal journalists and loyal editors, so that they could deliver only positive information and hide undesirable information.□

Naturally, everyone wants money. I recall a situation: in one American corporation, the President ousted a visitor, and the secretary asked him why he did so. The answer was: «He offered me the sum of money, which I could agree to accept».

But in a world where there is not censorship on the Internet, it is very hard to hide unwanted information. There is always someone who knows how it really was. Where is the guarantee that this «someone» will not want to share such information? In the new information world, it occurs quite often.

A friend of mine, an owner of a large media holding, said: «I earn money; my field of activities is the media business. And to successfully earn money, it is necessary that people believed me. I cannot play all these games, because people will not buy my production.»

Another important topic is non-governmental organizations. I believe that the time of flourishing NGOs is over. They did their job, becoming the foundation for the current civil society. I myself am quite actively engaged in social activities, and now we are no longer engaged in the process when we write projects and look for grants. We can solve many things ourselves. And we do solve them.

In my opinion, now civil society plays a very important role in our countries.

In Odessa, we have created a Free University — a discussion platform, where one can not only argue but also be enlightened. The most famous people of Ukraine come here to deliver lectures; there is an important exchange of views. And such a university, such a project, does much more than the entire state propaganda machine. And power ities are afraid of intelligent and educated people.

In the Ukraine, national issues are now exacerbated. If you have the problem of «north» and «south», we have many problems around «East/South» vs. «Center/West». And we can say that in the Ukraine, there emerged political prisoners; there is a direct threat to freedom of speech. Authorities actively stamp out dissent. But the power of action, as it is well known, is equal to the power of resistance. Your politicians should take this into account. Earlier we said that the revolution in Kyrgyzstan happened after ours. Now we say that our second revolution can be after your second revolution.

People hate the power structures, and the power structures do everything possible to keep the tension in the society high.

However, the Ukraine has a paradoxical phenomenon. Ratings of the current party in power and personal ratings of the President Yanukovich are getting low. But at the same time, a large number of people are again ready to vote for the same party and at the same President. Why? Because they do not see a better alternative? Or is it because they know what to expect from the current administration, and they are predictable? I think both. Only a force that can offer an honest and realistic plan for reforming the country will probably restore trust in politics.

In the Ukraine, there is a quite diverse political spectrum. But during the last presidential election, headquarters of the winning party used quite dirty technologies aimed at shaping the electorate's peculiar attitude toward opposition. Technology — «they are all similar.»□

I have often heard the opinion that we deserve those whom we elect. Hence, we are severally liable for that. I agree, but only under the condition that there are real elections in the country, not their imitation. The last elections to local councils, which took place in Ukraine in 2010, have already been called «the General rehearsal» for the upcoming parliamentary election. They tested the technology,

which allows bringing representatives of the Party in power — the Party of Regions — into public bodies.

But society is beginning to resist. Fewer state employees agree to work in election commissions, knowing that they will have to work under great pressure there. And how can one intimidate a powerless teacher? Dismiss?

Therefore, one of the tasks of the media is to show that to politicians. If your politicians understand that the more they tighten the screws, and the more they lie, the worse it all will be for them. Because if the power is harassing somebody, we perceive that this is a decent person.

Power structures change much more slowly than the society. The elites do not have time.

Politicians do not have time. Their people showing them pictures that they want to see, not what is actually happening. It is sociology as a tool of influence on the masses, and one of the pre-election technologies: they invent and publish images that can satisfy voters and so on. People no longer choose the person; they begin to choose their own lives.

Ednan Karabaev: The country will still elect; every citizen of Kyrgyzstan will do his choice based on his own preferences. I would, for example, elect any president who has three fundamental qualities: first — a feeling of time; second — understanding the psychology of people, and the third — ability to create a team and control it. If such a person exists, everything should be more or less stable.

Anar Musabaeva: Ednan Karabaev is angry about the fact that all this will be during the presidential race. Indeed, there will be manipulations with public consciousness, and the only

antidote must be an intelligent society, intelligent people, civil society, media and information transparency of society. I think that maybe Ukrainian society has reached this, but, unfortunately, our society is not mature yet. Our media are not that independent. In terms of smart civil society, we are behind, too. Nevertheless, I agree that the only antidote to such manipulation of public opinion should be the information transparency. The main warning for politicians is that their manipulation technologies will turn against them.

Zoya Kazanzhi: Now young journalists are a completely different planet. They think no worse and no better than us, those who are older. They just think differently. By the way, educational programs in Kyrgyzstan did a great job, because when I see which training programs are here, what people learn, I understand that all processes will be quicker and more effective.

Anar Musabaeva: I want to mention one moment how social networks are used by the younger generation. On TV news, they showed that the mayor's office distributed tickets for a concert of some pop-band, and teachers of some school forced students to buy them; school students gathered a number of people who disseminated information about this through a social network, journalists interviewed some people, and officials, who were engaged in this, were fired.

Zoya Kazanzhi: Now, in our societies, initiatives come not from the top, but from the bottom. There was a time when we received orders and directions how to live from above; now everything comes from below, and the ities have to respond. We must know that we are a strength, and our lives depend on us, ourselves.

Sheradil Baktygulov: I have several observations. It is clear that any election campaign implies working with emotions, nobody appeals to reason. It is necessary to attract the sympathy of voters. It is done through specific emotions,

respectively. It implies working with various groups, including informal ones, which is done by a team of political technologists, which exists in any country. Kyrgyzstan is not a pioneer in this sense. But it turns out that when one works on the basis of emotional preference of each citizen, lacking the principles of national interests, which we have already discussed, any presidential contender will be compared from inner-position categories. Here lies another extremity. The problem is not in declaring interests of Kyrgyzstan; the main thing is, which steps will be proposed by the contenders, civil society, and political technologists.□

Now, our politicians understand that interests of the country should be, at least, voiced. But the main problem is how to implement those interests. And here, Kyrgyzstan differs from the Ukraine. In the Ukraine, a presidential contender, at least, knows what he will do during 5 years. In Kyrgyzstan, a contender is concerned with three questions: How to come to power? What to do during the first year? And where to leave after? In this regards, all election rhetoric and actions are aimed at implementation of short-term tasks.□

Informally, the pre-election campaign has already started; it is limited by 2012. They will come to power and change the constitution. Nobody understands what are these actions aimed at. We see that everything is limited by 2012, not by 5-year term of the President. Thus, it is unclear what to do during the next four years.□

The majority of our population has dreams about the bright future, which are limited to the following: a house, money, a good car and that's all! Nobody thinks about prosperity of the country — it is a joint rhetoric, but it is not solidified by concrete actions. In this situation, working with informal groups is a normal process.□

There appears a question: which country-level aim is being achieved through the work with all people, with all voters? It is clear that there are various layers of the

population: various groups based on professional, ethnic, and ethic features. Thus, depending on the group, it is necessary to develop specific slogans, make specific promises, etc. And what next? How the problems will be solved? It turns out that beginning with June and ending with December 2011, actions or non-actions of each contender will lead to exacerbation of the split and alienation in the society.

Based on this, only one recommendation can be suggested: Each presidential candidate should understand that his actions might damage the situation. This is the main thing. We cannot require from them not to make promises, as it is a normal process.□

It is almost impossible to advise or recommend. One recommendation is that they should remember, when making promises, that they are also citizens of this country, and having their business skills, they can have a small shop somewhere in USA. And nothing more.□

Zoya Kazanzhi: It is not the worst option for them.□

Sheradil Baktygulov: In comparison with the profits they get in Kyrgyzstan, it will be a great difference.□

Zoya Kazanshi: Look what is going on. Your presidents flee the country, while ours stay. On the one hand, it is good that they stay, but on the other hand, it turns out that politicians protect one another.□

Anar Musabaeva: Concerning the promises, I don't agree with Sheradil. Of course, they will promise, but I think that experts can warn them: the bigger is the gap between promises and realities, the worse it is for politicians themselves.□

Sheradil Baktygulov: It is evident. Nobody is thinking about a concrete citizen. Citizens know well that politicians will come, make promises, and leave. They know well that their interests will not be taken into account. Voters are now interested in having a small «piece of the cake.» And they will be quite satisfied with it. Such speeches will be made at official events; politicians will take into account recommendations of experts. But we know that there are also election campaign technologies.□

And real life is that each voter will try to snag their «piece of the cake.»□

Anar Musabaeva: We must work with voters, too. Otherwise, why should we need all this?□

Sheradil Baktygulov: Who will work with voters?□

Anar Musabaeva: All must work.□

Sheradil Baktygulov: That's the catch! All our elections have shown that people try to «snag» something, some profit for their families.□

There will be slogans about the interests of Kyrgyzstan; candidates will convince people that they know how to make Kyrgyzstan prosperous. There will be economic programs, and somebody will criticize these problems. All election campaigns consist of them. We all must understand why somebody invests money in working with informal groups, which aim he pursues. Does he want to become the President or to leave the country in 2012 with dozens or hundreds of millions of dollars?□

Then experts summed up the results of the meeting and made specific recommendations.

1. Candidates should be aware that Kyrgyz people have no illusions after two revolutions. Therefore, unrealistic promises will not work out.
2. Playing with regional or nationalist factors can harm politicians themselves in the long run. They must also remember that they cannot behave in a different way in different situations, e.g. say something to one group of voters and say different things to another groups of voters, because current technologies will immediately reveal such controversial behavior.
3. Use of administrative resources will not help as it did earlier. Bribing the voter will not help much either. Presidential contenders must remember that the voter can deceive them, too. Kyrgyz voters also developed their own «people's technologies.» One should remember that the level of frustration and disappointment among people is very high; therefore, they could vote against somebody, although they promised to support him.
4. Candidates should also remember that obedient teachers, who worked at numerous elections, have also changed. Politicians should not count on them that much, as teachers also understand now the danger of falsifying the election results.
5. They should not use black PR technologies against their rivals. They should always remember that their rivals can also use such technologies against them. As a result, all can fail.
6. Obvious external support is not a positive sign today, so candidates should remember about it. People understand what support from foreign states means. PR campaign in foreign media can play a bad trick with contenders.
7. A Presidential candidate should honestly tell about his property and not to deceive voters saying that he has a 3-room apartment in a local micro-district.

8. Cooperation with criminal structures can be a life-long bondage for a politician, as he will have to share not only power but also be «friends» with criminal families.

This meeting was organized within the project «Strengthening decision-making capacities in Kyrgyzstan,» supported by the Delegation of the European Union to the Kyrgyz Republic.

8 ИЮНЯ В ИНСТИТУТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ СОСТОИТСЯ КРУГЛЫЙ СТОЛ НА ТЕМУ «МОЛОДЕЖЬ И ВЫБОРЫ»

8 июня в Институте общественной политики состоится Круглый стол на тему «Молодежь и выборы»

06.06.2011

В работе Круглого стола примут участие представители молодежных организаций, представители Министерства по делам молодежи, представители ЖК, НПО, СМИ, студенты. □

Мероприятие начнется в 14:00. □

В качестве спикеров Круглого стола ожидаются выступления Ларисы Сосницкой, заместителя министра по делам молодежи; Натальи Никитенко, депутата ЖК КР; Анар Мусабаевой, политического аналитика; Шерадила Бактыгулова, эксперта по

государственному управлению; Тимура Шайхутдинова, члена Клуба либеральной молодежи. □

Всех заинтересованных в участии и в освещении данного мероприятия просим пройти регистрацию по телефонам: 906 220, 906 230 или по e-mail: bt@ipp.kg до 17:00, 7 июня. □

По всем интересующим вопросам обращаться к Бегаим Тулегеновой по телефонам: 90-62-20, 90-62-30, 90-62-40, 90-62-43. □

Стенограмма Круглого стола: «Участие общества в урегулировании конфликтов в КР. Разработка стратегии продвижения медиации в Кыргызстане»

Стенограмма Круглого стола: «Участие общества в урегулировании конфликтов в КР. Разработка стратегии продвижения медиации в Кыргызстане»

03.06.2011

27 мая в Институте общественной политики прошел Круглый стол на тему: «Участие общества в урегулировании конфликтов в

Кыргызстане. Разработка стратегии продвижения медиации в Кыргызстане».

Модератор:

Рустем Максудов, президент московского Центра «Судебно-правовая реформа», председатель Всероссийской Ассоциации восстановительной медиации

Участники:

Асель Айнидинова, соц. работник ОФ «Поколение Инсан»

Аида Арапова, южный представитель ОФ «Солнечная страна»

Эльмира Арапова, руководитель ОФ «Солнечная страна»

Темирлан Айткулуев, начальник юридического отдела ОФ «ЛАРК Карабалта»

Туланбек Асакеев, руководитель ОО «Келечек Нуру»

Наталья Афанасенко, ассистент программ ОФ «Лига защитников прав ребенка»

Нина Багдасарова, руководитель Центра социальной интеграции

Гульжан Бекембаева, руководитель ОФ «Поколение Инсан»

Валентина Галич, председатель правления ОФ «Чинтамани»

Бактыхан Жапарова, руководитель правовой приемной ОПЗО «Справедливость»

Азелкан Жуматаева, директор Ошского регионального офиса ОФ «За международную толерантность»

Елена Иванова, директор правозащитного фонда «Эгида-Шанс»

Айнура Ишеналиева, преподаватель МУК

Лида Карагулова, руководитель ОО «Межкультурное образование»

Айзат Кокулова, ассистент программ ОФ «Лига защитников прав ребенка»

Гульназ Колсариева, тренер ОФ «ИРЭТ»

Шанталь Лебра, глава военно-политического отдела Центра ОБСЕ в Бишкеке

Акмаль Мамадалиев, ОФ «Новое поколение юристов», «Путь истины»

Абдумомун Мамараимов, председатель правления ОФ «Voice of

freedom»

Мирлан Медетов, Сеть НКО по защите детей

Салтанат Мусуралиева, президент ПООЖ «Хадисы»

Гулнара Орозова, адвокат, ОО «Защита прав человека»

Гулина Отунчиева, соц. работник ОФ «Поколение Инсан»

Инна Рахманова, старший программный специалист отдела образовательных программ IREX, модератор рассылки Ассоциации медиаторов

Сайдабыт Рахманов, руководитель ОФ «Ноокат Табы»

Гульнура Соорбекова, тренер «Мирные перемены», Mercy Corps

Гуллола Ташкенова, представитель ПЦ «Кылым Шамы», Базар-Коргон

Майрам Тилебалиева, председатель правления ОО «Даршайым»

Кадырбек Шадыбеков, руководитель ОО «Надежда и Мир»

Мээрим Шамудинова, координатор Института общественной политики

Абдумалик Шарипов, координатор программ ОПЗО «Справедливость»

Алийма Шарипова, директор ОФ «Культура плюс»

Асылбек Эшиев, руководитель Центра «Равные права и возможности» □

Мээрим Шамудинова: Поприветствовала участников и обозначила тему Круглого стола. □

Рустем Максудов: Здравствуйте. Я предлагаю вместе спроектировать сегодняшний день. Я думаю, что важно обсудить, каким образом медиаторы будут получать свои дела, то есть каналы направления дел на медиацию. □

Второй вопрос: как будет организована работа медиатора, где он будет сидеть, где будет проводить встречи. И позвольте сразу маленький комментарий. Поскольку в мире есть разные формы организации медиации, мы на сегодняшний день не имеем некой единой системы работы медиатора. □

В Институте общественной политики проходит Школа медиаторов

В Институте общественной политики проходит Школа медиаторов

23.05.2011

С 23 мая в Институте общественной политики проходит «Практическая школа медиаторов», участниками которой стали 25 представителей неправительственных организаций из Ошской, Джалал-Абадской областей и города Бишкека, работающих в сфере разрешения конфликтов. □

В качестве тренера выступает Рустем Максудов, президент московского Центра «Судебно-правовая реформа», председатель Всероссийской Ассоциации восстановительной медиации.

В рамках школы участники получают навыки необходимые медиаторам, а так же узнают о методах организации работы медиаторов. Данная школа поддержана Национальным фондом в поддержку демократии (NED).

Эксперты — кандидатам в президенты: Чего нельзя

делать во время предвыборной кампании

Эксперты – кандидатам в президенты: Чего нельзя делать во время предвыборной кампании

18.05.2011

20 мая 2011 года в Институте общественной политики состоялась встреча на тему «Рекомендации экспертов кандидатам в президенты: чего нельзя делать во время предвыборной кампании». □

В мероприятии приняли участие: Шерадил Бактыгулов, эксперт по государственному управлению; Аскар Бешимов, исполнительный директор Фонда экономических исследований «Проект будущего»; Валентин Богатырев, руководитель аналитического консорциума «Перспектива»; Зоя Казанжи, медиаэксперт (Украина); Эднан Карабаев, экс-министр иностранных дел, политолог; Анар Мусабаева, политический аналитик; Алмас Турдумаматов, медиаэксперт; Мурат Укушов, эксперт по конституционному праву. □

Аскар Бешимов: В первую очередь – нельзя играть на регионализме. Во-вторых, давать невыполнимые обещания. Необходимо стратегическое видение будущего страны. В-третьих, не лицемерить, когда одной группе избирателей одной национальности говорится одно, а другой – другое. Это приведет только к расколу. В-четвертых, надо строить нормальные и взаимовыгодные долгосрочные отношения с другими государствами, не пытаясь использовать внешние ресурсы на предвыборную кампанию. В-пятых, бесконечно менять законодательство страны.

В-шестых, применять административный ресурс. В-седьмых, нельзя вступать в «договоренности» с криминалом. □

Эднан Карабаев: То, о чем вы говорите, все это будет. Вы думаете, от того, что вы рекомендуете, они не будут использовать преступный мир? Вы думаете, что не будут обещать? Будут. Не будет использования административного ресурса? Будет. Не будет подкупов? Будут. Не будут использовать внешний фактор? Будут. И поедут за деньгами. Не будут использовать религиозный фактор? Будут. Также и региональный фактор. Все будет. □

Мы заинтересованы в том, чтобы выборы не стали катализатором взрыва. Единственное, что необходимо рекомендовать государству, так это укреплять межнациональные отношения, потому что это самый мощный фактор, который действительно может привести к серьезным последствиям. □

Можно простить выборы с подтасовкой или чем-либо подобным, но самое главное, чтобы не было взрыва. Нужно сохранить это хрупкое состояние. Сейчас неважно, кто станет президентом. Мы же видим, какова нынешняя политическая элита. Чего ждете? Мессию, что ли? Пусть президент меняется хоть через год, хоть через два. Но пусть в стране будет стабильность, чтобы граждане не боялись за свое существование. Зачем говорить о том, чего не будет? Все будет. Но пусть это будет в разумных пределах. □

Надо воспитывать новое поколение. Элита, которая 20 лет занималась разрушением, разве может она отказаться от использования всех знакомых ей инструментов во время

предвыборной кампании? И дело не в том, что эта элита плохая, она воспитывалась в специфической среде, ее психология такова. Поэтому нам надо 5-10 лет этой стабильности, которая позволит новому поколению набраться опыта. □

Зоя Казанжи: Я с 2005 года приезжаю в Кыргызстан и помню ту эйфорию, которая была у вас в 2005 году, после «революции тюльпанов». Эта эйфория была очень схожа с нашей, после «оранжевой революции». И у вас, и у нас возникли весьма интересные дискуссии на темы построения гражданского общества. С тех пор я отслеживаю то, что происходит в Кыргызстане. □

Я слушаю нашу нынешнюю дискуссию, читаю ваши сайты и понимаю, что мы очень похожи. В мире действительно 36 сюжетов. Ничего нового придумать невозможно, и в политике те же повторяющиеся сюжеты. □

У нас в Украине есть несколько политических ток-шоу, эти программы идут в прямом эфире и весьма смотрибельны. В студии программы Шустер-лайф всегда находится две категории зрителей. Это рожденные в Украине начиная с 1991 года и, условно говоря, родители этих детей: врачи, моряки, пенсионеры и так далее. И во время выступлений спикеров каждый из присутствующих посредством нажимания на кнопки, выражает свою поддержку или неподдержку сказанному. И на экране можно увидеть уровень доверия к тому или иному ньюсмейкеру. □

Достаточно часто люди разных возрастов по-разному относятся к сказанному в студии. У молодого поколения другое отношение по сравнению с людьми старшего возраста. Это категория, которая живет в информационном мире. Они более свободны, освобождены

от стереотипов, они более прагматичны и, вероятно, более циничны в своем отношении к политике и политикам. Исходя из этого многие неправительственные организации, политические и общественные лидеры говорят о том, что ставку надо делать на молодежь, так называемый «потенциальный электорат», потому что люди старшего возраста уже не изменятся. □

У нас власть тасуется – и на уровне городов, и на национальном уровне. Они переставляются как шахматные фигурки, из кресла в кресло. Но суть их от этого не меняется. И, к тому же, я считаю, что появляется другая опасность для общества – это дети власть предержащих. Если их отцам надо было хоть немного иметь мозгов, чтобы что-то украсть, приумножить и превратить в доходный бизнес, то их детям мозгов не надо, они выросли в режиме наибольшего благоприятствования. Они приходят работать в прокуратуры, в органы власти, потому что самый большой и успешный бизнес в Украине – это власть. И никакой системы сдержек и противовесов не существует. В правительстве Украины большинство – миллионеры. С одной стороны – это хорошо. Но, с другой, – это в нищей-то стране! Понятно, что нигде в мире не готовы говорить о первом заработанном миллионе. В Украине не готовы говорить и о первом заработанном миллиарде. Потому что это, как правило, украденные деньги. □

Вот вы здесь говорите о новых политических элитах. А откуда они возьмутся? Кто допустит к власти новых людей? Это как в пословице: сын полковника никогда не станет генералом, потому что у генерала есть свой сын. Скамейка запасных у власти достаточно короткая. Да власти она и не нужна. Власти также не нужны ни конкуренция, ни умные партнеры. □

Мы не делаем выводов из прошлых уроков. Мы регулярно наступаем на те же грабли. Это уже стало национальной забавой. □

Общество должно рассматривать власть как систему менеджмента, где президент – топ-менеджер. И он должен подобрать кадры и организовать работу таким образом, чтобы мы – члены большой корпорации, граждане страны – почувствовали это на качестве собственной жизни. □

В 2004 году, накануне оранжевой революции, когда было понятно, что нет никакого доверия к институтам власти, что в воздухе витала готовность к сопротивлению, демократы и либералы делали ставку на тогдашнего главу Национального банка Украины Виктора Ющенко. Журналисты, которые ездили с ним в пуле, видели, что это нерешительный руководитель. Когда надо было подписать какой-то важный документ, он всегда уезжал в командировки или болел. Но поскольку, по умолчанию, журналисты понимали, что он лучший из худших, то посчитали, что из двух зол надо выбирать меньшее. И не по злему умыслу, а из хороших побуждений фигура Ющенко несколько приукрашивалась. Не смертельное же качество – нерешительность! И общество, граждане не получали полную, объективную информацию. Русская пословица «Из двух зол надо выбирать меньшее» в английском языке звучит так: «Из двух зол не следует выбирать ни одного». □

Президент Ющенко дал гражданам Украины большую надежду. Мы тогда действительно поверили, что мы можем все, что пришли новые времена, что мы выбрали европейский путь развития. □

Я надеюсь, что многие журналисты поняли, что не надо показывать представителей власти умнее, чем они есть на самом деле. Не надо «вестись» на их условия. Журналистика – независимая профессия, и когда журналисты становятся субъектами политического процесса, то они несут ответственность за происходящее, как и все остальные субъекты политического процесса. □

В Украине была дискуссия на тему, несут ли журналисты ответственность за политический кризис, который разразился в стране и привел к роспуску парламента. Многие говорили, что да, причастны, потому что журналисты взяли на себя миссию интерпретировать факты, быть адвокатами или прокурорами власти, выносить вердикты. А у них несколько иная функция. □

В Украине 9 мая вступил в силу Закон «О доступе к публичной информации». Это достаточно прогрессивный, даже революционный закон, потому что не только журналист, но и любой гражданин Украины имеет право подать запрос на интересующую тему. И в течение пяти дней на запрос должен быть дан ответ. Что волнует общество? Первые поданные запросы касались, как правило, собственности наших государственных чиновников, сколько они зарабатывают, что они имеют. Потому что у них у всех появился большой массив собственности непонятного происхождения. □

К примеру, Президент Украины Виктор Янукович живет на даче, территория которой составляет 146 гектаров. Как эта государственная собственность оказалась в руках Президента? На одной из пресс-конференций украинский журналист Мустафа Найем попросил Президента Януковича сообщить, каким образом такая большая территория оказалась в собственности структур, близких к Президенту? Президент ответил, что все это придумали журналисты. У него на этой территории только один небольшой домик. И предложил журналистам самим поехать к нему в гости. Журналисты за это ухватились и после пресс-конференции подошли к заместителю Главы Администрации Президента Анне Герман, в прошлом журналистке, которая им сказала, что сию минуту поездка не может состояться, нет автобуса. Но вот в ближайшее время журналистов непременно отвезут в гости к Президенту. Журналисты ждут уже больше года, при каждом удобном случае напоминая и Президенту, и его пресс-службе, и Анне Герман об обещанной поездке. Я не думаю, что журналистов когда-либо туда

повезут, но обществу совершенно понятно, что Президенту есть что скрывать. Тем более что при нынешнем техническом оснащении эта президентская резиденция фотографировалась со всевозможных ракурсов, в том числе и с вертолета. Так что, как видим, при появлении возможностей и новых коммуникационных каналов невозможно скрыть информацию. В Египте революция была совершена за 18 дней, и при давлении и колоссальном противодействии люди использовали Фейсбук и другие социальные сети для информирования друг друга. □

Что касается работы предвыборных штабов, и у нас, и у вас существует такое явление, как подкуп журналистов. Каждый штаб формирует себе лояльных журналистов, лояльных редакторов, давит на собственников с тем, чтобы доносилась та или иная положительная информация и скрывалась нежелательная. □

Естественно, что все хотят денег. Я вспоминаю ситуацию, когда в одной американской корпорации президент выгнал посетителя, а секретарь спросил, почему. Последовал ответ: «Он предложил мне такие деньги, на которые я мог бы согласиться». □

Но в мире, где пока нет цензуры в Интернете, очень трудно скрыть нежелательную информацию. Всегда есть тот, кто знает, как было на самом деле. Где гарантия, что этот «кто-то» не захочет поделиться такой информацией? В новом информационном мире именно так и происходит. □

Один мой приятель, он владелец крупного медиа-холдинга, говорит: «Я зарабатываю деньги, моя сфера – медиа-бизнес. А для того, чтобы я успешно зарабатывал деньги, надо, чтобы мне верили. Я не могу играть во все эти игры, потому что не будут

покупать мои издания». □

Еще одна важная тема – это неправительственные организации. Мне кажется, что расцвет НПО уже позади. Они сделали свое дело, став тем фундаментом, на котором сейчас строится гражданское общество. Я сама достаточно активно занимаюсь общественной деятельностью, и сейчас уже нет того, что мы пишем проект, подаем грантодателям и ждем решения. Мы сами в состоянии делать многие вещи. И мы их делаем. □

На мой взгляд, сейчас, как никогда, гражданское общество играет очень важную роль в наших странах. □

В Одессе мы создали Свободный университет – это дискуссионная площадка, где есть возможность не только спорить, но и просвещаться. С публичными лекциями приезжают самые известные персоны Украины, происходит важный обмен мнениями. И подобный университет, подобный проект делает гораздо больше, нежели вся государственная пропагандистская машина. А власть боится умных и образованных людей. □

В Украине сейчас обострены национальные вопросы. Если у вас на части раздирают север и юг, то у нас достаточно много проблем во взаимоотношениях восток/юг-центр/запад. И мы можем говорить, что в Украине появились политические узники, что есть прямые угрозы свободе слова. Власть очень активно противодействует инакомыслию. Но сила действия, как известно, равна силе противодействия. Ваши политики должны это учитывать. Раньше мы говорили, что в Кыргызстане была революция после нас. Теперь мы говорим, что наша вторая революция может быть после вашей второй. □

Люди ненавидят власть, и власть делает все для того, чтобы напряжение не снималось. □

Вместе с тем в Украине существует парадоксальное явление. Рейтинг действующей партии власти и личный рейтинг Президента Януковича снижаются. Но вместе с тем большое количество людей опять готово голосовать за ту же партию и за того же Президента. А все почему? Потому что не видят тех, кто отличался бы от власти? Или потому, что знают, чего можно ожидать от нынешних властей, и они предсказуемы? Думаю, что и первое, и второе. Только та сила, которая сможет предложить честный и реальный план реформирования страны, сможет, возможно, вернуть доверие к политике. □

В Украине достаточно разнообразный политический спектр. Но во время последних президентских выборов штабы победившей партии использовали достаточно грязных технологий, направленных на то, чтобы сформировать у электората своеобразное отношение к оппозиции. Технология – «они все одинаковые». □

Часто звучит мнение, что мы заслуживаем тех, кого выбираем. Значит, мы несем солидарную ответственность за свой выбор. Согласна. Но при условии, когда в стране проходят действительно выборы, а не их имитация. Последние выборы в местные советы, которые прошли в Украине в 2010 году, уже называли генеральной репетицией будущих парламентских выборов. Были обкатаны технологии, позволяющие по мажоритарке «заводить» исключительно представителей партии власти – Партии регионов. □

Но общество начинает сопротивляться. Все меньше бюджетников

идут работать в избирательные комиссии, понимая, чем их там могут заставить заниматься. А чем можно запугать и так бесправного учителя? Уволить? □

Поэтому одна из задач медиа – показать политикам и это тоже. Если ваши политики поймут, что чем больше они будут закручивать гайки, чем больше будут врать, чем больше будут использовать черные технологии, тем хуже все это будет для них самих. Потому что если власть кого-то ругает или преследует, то мы воспринимаем, что это достойный и стоящий человек. □

Власть изменяется гораздо медленнее, чем изменяется общество. Власть не успевает. Политики не успевают. Их штабы рисуют им те картинки, которые они хотят видеть, а не то, что происходит на самом деле. Здесь и социология, как инструмент влияния на массы, и одна из предвыборных технологий, и публикация придуманных образов, способных удовлетворить избирателя, и многое другое. Люди уже перестают выбирать персоны, они начинают выбирать свою собственную жизнь. □

Эднан Карабаев: Страна все равно будет выбирать, каждый гражданин Кыргызстана будет делать это исходя из своих предпочтений. Я бы, например, выбрал любого президента, который обладает тремя фундаментальными качествами: первое – наличие чувства времени; второе – понимание психологии народа; третье – умение формировать команду и управлять ею. Если такой человек будет, все остальное приложится. □

Анар Мусабаева: Эднан Карабаев рассердился, что все это будет во время президентской гонки. Действительно, будут манипуляции общественным сознанием, и единственным противоядием должно

быть умное общество, умные люди, гражданское общество, СМИ и информационная прозрачность общества. Мне кажется, что, может быть, украинское общество доросло до этого, но, к сожалению, мы пока не доросли. И СМИ у нас не настолько независимые. В плане умного гражданского общества тоже отстаем. Тем не менее, я согласна, что единственным противоядием таким манипуляциям общественным сознанием должна быть именно информационная прозрачность. Главное предупреждение политикам – это то, что их манипуляционные технологии обернутся против них. □

Зоя Казанжи: Сейчас молодые журналисты – это совершенно другая планета. Они мыслят не хуже и не лучше нас, тех, кто постарше. Они просто мыслят по-другому. Кстати, образовательные программы в Кыргызстане сделали большое дело, потому что, когда я смотрю, какие тренинги проходят, чему люди обучаются, я понимаю, что все процессы будут происходить быстрее и результативнее. □

Анар Мусабаева: Хочу отметить один момент, как социальные сети используются молодым поколением. По телевизору показывали, что в одной из школ стали распространять билеты на концерт какой-то группы через мэрию, собралось какое-то количество людей, которые через форум стали заявлять об этом, журналисты взяли интервью, и чиновников, которые этим занимались, сняли с работы. □

Зоя Казанжи: Сейчас в наших обществах инициатива идет не сверху, а снизу. То есть когда-то нам спускали какие-то директивы, и мы по ним жили, сейчас это все идет снизу, и власти вынуждены на это реагировать. Мы должны знать, что мы – сила и наша жизнь зависит от нас самих. □

Шерадил Бактыгулов: У меня просто несколько наблюдений. Понятно, что предвыборная кампания – это работа с эмоциями, с разумом никто не работает. Надо привлечь симпатии избирателей, это все делается через воздействие на конкретные эмоции, соответственно это работа с разными группами, в том числе неформальными, которую делает команда политтехнологов, существующая в любой стране. Кыргызстан в этом отношении, скажем так, не пионер и, в принципе, не одинок. Но здесь получается так, что когда ты работаешь на основе эмоциональных предпочтений каждого гражданина при отсутствии принципов национальных интересов, о которых мы уже говорили, любой из кандидатов в президенты будет сравниваться по параллели с внутрипозиционных категорий. Здесь мы впадаем в другую крайность. Проблема не в том, что провозгласить интересы Кыргызстана, интересы страны превыше всего, самое главное – посмотреть, какие шаги будут предложены кандидатами в президенты, гражданским обществом, политтехнологическими штабами для реализации подобного подхода. □

Сейчас есть понимание политика о том, что, что интересы страны должны быть, по крайней мере, словесно озвучены. Но потом начинается интересный момент, встает вопрос, как реализовать эти интересы и в чем они заключаются. В этом большое отличие Кыргызстана, в данном случае, от Украины. В Украине все-таки кандидат в президенты знает, чем он будет заниматься в течение пяти лет, у нас он озабочен двумя вопросами: как прийти к власти?; чем ему заниматься в течение первого года?; и куда потом уехать? В этой связи вся предвыборная риторика и действия направлены на достижение краткосрочных целей. □

Неформально дан старт предвыборной кампании, она ограничивается, как раз таки, сроками 2012 года. Придут к власти, поменяют Конституцию. Непонятно, зачем и ради чего достижение, какие цели преследуются. Мы видим, что это

ограничено временными рамками 2012 года, даже не пятилетним циклом президентства. То есть непонятно, чем заниматься в течение дальнейших четырех лет президентства. □

У большинства населения мечты о светлом будущем ограничиваются следующим: дом, деньги, машина – все! Никто не думает о том, что страна должна быть процветающей – это совместная риторика, но она абсолютно не подтверждена конкретными действиями. В этой ситуации работа с неформальными группами – это нормальный процесс. □

Тогда возникает вопрос: на достижение какой страновой цели направлена работа со всеми людьми, со всем блоком активных избирателей? Понятно, что существуют разные слои населения, разные группы в силу своих профессиональных, этнических, этических особенностей. Соответственно у каждой группы надо выискивать симпатии, провозглашать какие-то лозунги, давать обещания, делать предвыборные шаги. Но, а что, действительно, дальше? Как проблемы эти решает страна? Вот здесь у нас, как говорится, инкогнито. Получается так, что в условиях нынешнего Кыргызстана, начиная уже с июня по декабрь этого года, вольно или невольно действие или бездействие каждого кандидата в президенты приведут к тому, что процессы отчуждения и раскола будут расширяться и углубляться. □

Исходя из этого возможна только одна рекомендация: чтобы каждый кандидат в президенты понял, что его деятельность, те действия, которые будут предприниматься, могут нанести ущерб. Это маленькая проблема в масштабах страны, но эта маленькая проблема может создать большую для каждого гражданина страны. Это главное. Мы не можем сейчас говорить им о том, чтобы они не давали обещаний, это в принципе нормальный процесс. □

Давать какие-то рекомендации и советовать, чего не следует делать, практически невозможно. Единственная рекомендация, это то, что давая обещания своей предвыборной аудитории, они не должны забывать, что они являются гражданами страны, они приспособлены под местные условия, и куда бы они не убежали, их способности ведения бизнеса, навыки, которые они здесь получили, в лучшем случае позволят содержать в США небольшую сеть магазинов оптовой торговли. Вот и все. □

Зоя Казанжи: Это не самый худший вариант для них. □

Шерадил Бактыгулов: По сравнению с теми доходами, которые они получают в Кыргызстане, это будет большая разница. □

Зоя Казанжи: Посмотрите, что происходит. У вас президенты уезжают, а у нас остаются. С одной стороны, это как бы хорошо, что они остаются, а с другой стороны, получается, что у нас выстроена такая горизонталь – вертикаль, что они покрывают друг друга. □

Анар Мусабева: Относительно обещаний все-таки я немножко не соглашусь с Шерадилом. Конечно, они будут обещать, но мне кажется, максимум, что могут сделать эксперты – это предупредить их, что им надо всегда учитывать, что чем больше разрыв между обещаниями, которые они дают, и действительностью, тем хуже для них. □

Шерадил Бактыгулов: Это понятно. Всегда упускается сам избиратель, конкретный гражданин. Граждане прекрасно знают, что политики придут, наобещают и уйдут, знают прекрасно, что

их интересы не будут соблюдены. Избирателю сейчас интересно проголосовать и ухватить свой кусочек. Этим он вполне удовлетворен. Подобные речи будут читаться на официальных мероприятиях, они будут красивы, будут выдержаны строго с рекомендациями экспертов для предвыборных шагов. Мы же знаем, что есть еще предвыборные технологии, которые не выставляются напоказ. Там-то и будет происходить реальная жизнь. Реальная жизнь такова, что каждый избиратель будет стремиться урвать свой кусок. □

Анар Мусабаева: Надо с избирателями тоже работать. Если так рассуждать, тогда зачем все это? □

Шерадил Бактыгулов: Кто будет работать с избирателями? □

Анар Мусабаева: Все должны работать. □

Шерадил Бактыгулов: Вот здесь как раз таки идет провальная зона. Если посмотреть любые выборы, которые проходили, там есть возможность или деньги получить, или что-то урвать для своего дома или участка. □

Будут лозунги о том, что интересы Кыргызстана превыше всего, что кандидаты знают, как сделать Кыргызстан экономически процветающей страной в течение пяти лет. Будут экономические программы, будет критика этих программ, этим конкретно все и ограничится. Это и есть львиная часть работы любой предвыборной кампании. Вот здесь надо всегда понимать, ради чего человек вкладывает деньги в работу с неформалами, какую цель он собирается достичь. Он хочет стать президентом или в

2012 году покинуть страну с десятками, сотнями миллионов долларов? □

Далее эксперты подвели итоги встречи и остановились на конкретных рекомендациях. □

1. Кандидаты в президенты должны осознавать, что у кыргызстанцев после двух революций практически не осталось иллюзий. Поэтому нереальные обещания работать не будут.

2. Все игры на «региональном или национальном факторе» могут нанести вред, прежде всего, самим политикам в долгосрочной перспективе. Также надо помнить, что при нынешних информационных технологиях политики не могут позволить себе быть разными в разных обстоятельствах, то есть заявлять одно для одной этнической группы, другое – для другой.

3. Использование административного ресурса не может быть таким же «успешным», как в прежние годы, так же как и подкуп избирателей. Кандидатам в президенты надо помнить, что избиратель в принципе их может обмануть. Кыргызстанские избиратели тоже разработали свои «народные технологии». Надо помнить, что уровень раздражения и разочарования своей элитой у народа очень высок и поэтому избиратели могут голосовать против, при этом клятвенно пообещав поддержку той или иной кандидатуре.

4. Кандидатам надо также осознать, что безропотные учителя, которые верой и правдой обслуживали многочисленные выборы, также изменились. Большие надежды на них тоже не стоит возлагать, так как учителя осознали всю опасность, в том числе и уголовную, за «правильный подсчет голосов».

5. Нельзя использовать против своих оппонентов черный пиар.

Надо помнить, что на всякий черный пиар всегда найдется другой черный пиар, и в результате можно утонуть всем вместе.

6. Явный внешний фактор не является в настоящее время украшением кандидата, так как всем понятно, чем это чревато для страны. Добрый пиар в иностранных СМИ сможет сыграть злую шутку и отнять голоса, которые кандидат мог получить в своей стране и без нескольких сюжетов в иностранных СМИ.

7. Надо честно заявить о своей собственности, а не пытаться рассказывать избирателям о своей трехкомнатной квартире в пятом микрорайоне, при этом подъезжая к ним на встречи на бронированном джипе.

8. «Сотрудничество» с криминалитетом также может обернуться пожизненной кабалой для политика, которому придется не только впредь делиться властью, деньгами, но и крепко дружить семьями. □

Данная встреча экспертов была организована в рамках проекта «Вовлечение экспертов и гражданского общества в формирование эффективных управленческих решений, а также построение диалога в Кыргызстане» при поддержке Представительства Европейского Союза в Кыргызстане.

Стенограмма

встречи

экспертов: «Президентские выборы 2011: Риски»

Стенограмма встречи экспертов: «Президентские выборы 2011: Риски»

17.05.2011

13 мая в Институте общественной политики состоялась встреча экспертов, которые обсудили риски предстоящих президентских выборов.

В мероприятии приняли участие: Аскар Бешимов, исполнительный директор Фонда экономических исследований «Проект будущего»; Валентин Богатырев, руководитель аналитического консорциума «Перспектива»; Тамерлан Ибраимов, директор Центра политико-правовых исследований; Анар Мусабаева, политический аналитик; Жоомарт Ормонбеков, кандидат политических наук, эксперт; Алмас Турдумаматов, медиаэксперт; Мурат Укушов, эксперт по конституционному праву; Айнура Усупбекова, исполнительный директор Ассоциации «Таза Шайлоо».

Тамерлан Ибраимов: Тема, действительно, интригующая, овеянная мифами и мистикой, потому что очень много разговоров не о том, как будут проходить выборы, а что будет после выборов. Попробую высказать свое мнение по поводу того, какие риски существуют в связи с предстоящими выборами. И в большей степени — в связи с ситуацией, которая будет складываться после президентских выборов. Риски эти не новые, большинство из них присутствовали всегда.